

Munich Personal RePEc Archive

How many rights does a human need: The rise and fall of liberalism

Popov, Vladimir

CEMi, RAN

18 March 2024

Online at <https://mpra.ub.uni-muenchen.de/120479/>
MPRA Paper No. 120479, posted 25 Mar 2024 22:22 UTC

СКОЛЬКО ПРАВ НУЖНО ЧЕЛОВЕКУ: ВЗЛЕТ И ПАДЕНИЕ ЛИБЕРАЛИЗМА

В.В. Попов¹

В чем вопрос

«Мы исходим из той самоочевидной истины, что все люди созданы равными и наделены их Творцом определёнными неотчуждаемыми правами, к числу которых относятся жизнь, свобода и стремление к счастью» - эти слова из Декларации независимости формулируют кардинальный принцип либерализма и теперь считаются еще более «самоочевидными» (Декларация независимости, 1993). Почему – совершенно непонятно.

Люди не равны по своим физическим и умственным способностям: у одних абсолютный музыкальный слух с рождения, а другим медведь на ухо наступил, одни здоровые, другие болезненные, одни мужчины, другие женщины, а третьи – ни те, ни другие. Ну и с неотчуждаемыми правами непорядок: у людей отчуждают и жизнь, и собственность, и свободу на протяжении всей человеческой истории повсеместно и в массовых масштабах. Право на стремление к счастью, может быть, и есть, но самого счастья достичь удается немногим.

На самом деле права человека ограничены в любом обществе с самого рождения: до 16-18 лет или до 21 года люди не могут ни голосовать, ни владеть собственностью, ни иметь оружие, ни покупать табак и алкоголь, в общем практически ничего не могут – ни жениться, ни креститься, за них все решают родители или опекуны. А по достижении совершеннолетия права предоставляются тоже с ограничениями, причем, чем дальше, тем больше. Кричать в переполненном театре «пожар, пожар!» – преступление, ездить по левой (кое-где правой) стороне дороги тоже не разрешается, пропагандировать войну, насилие, расизм, фашизм, отрицать Холокост, распространять детскую порнографию, пользоваться интернетом без регистрации в большинстве стран запрещено.

¹ Главный научный сотрудник ЦЭМИ РАН, д.э.н. Веб-сайты: <https://pages.nes.ru/vpopov/> ; <https://carleton.ca/vpopov/>

Защитники либерализма, конечно, используют известную формулу – «моя свобода кончается там, где начинается ваша», у вас есть права до тех пор, пока вы не вредите остальным, но ведь под эту формулу можно подвести, что угодно, да и мнения о том, где именно заканчиваются эти «неотъемлемые права», наличие которых, якобы, не вредит остальным, расходятся. В некоторых странах, даже в тех, которые считаются либеральными и демократическими, оружием владеть нельзя, а в других можно, в некоторых можно детей воспитывать в гомосексуальных семьях, а в других нет, в некоторых есть смертная казнь, а в других нет...

Можно, ведь сказать, что общественное благо в том, чтобы запретить всем агитацию за развал страны, сепаратизм и отделение регионов – Крыма от Украины, Чечни от России, Каталонии от Испании, Косово от Сербии, Шотландии и Северной Ирландии от Великобритании, Тибета и Синьцзяна от Китая (что не нравится – зачеркнуть) – на том основании, что такая пропаганда ведет к национализму, этническим конфликтам и терроризму.

И можно ли ради общественного блага запрещать иметь более 1 ребенка в семье? На Западе такая политика считается грубым нарушением репродуктивных прав, а в Китае, когда действовал такой порядок (в 1979-2015 гг., сейчас уже не действует), он поддерживался 90% населения. «Пусть лучше развалится семья, чем государство» – такие и похожие плакаты еще 20 лет назад можно было встретить на китайских дорогах.

Большинство экономистов мира скажут вам, что именно политика «один ребенок в семье» сильно способствовала бурному экономическому росту Китая и вывела из бедности сотни миллионов людей потому, что ограниченные инвестиции пошли не на создание новых рабочих мест для быстро увеличивающегося населения, а на повышение технической оснащенности уже существующих рабочих мест, то есть на повышение капиталовооруженности, и, следовательно, производительности труда. В общем, Париж явно стоил мессы, а овчинка выделки, ограничение прав на деторождение обернулось явным благом для общества.

Дело еще осложняется тем, что и у либералов нет единства мнений или даже понимания, в какую сторону идет развитие, в чем генеральная тенденция. Разные либералы считают неотъемлемыми разные права: демократы в США, например, считающие себя самыми «либеральными либералами» и главными защитниками прав человека, признают право на аборт неотъемлемым, но против свободного владения оружием, республиканцы – наоборот.

Разрешение однополых браков на Западе признается прогрессом большинством населения, но уже в отношении прав воспитывать детей в гомосексуальных семьях такого консенсуса не наблюдается, а браки между родственниками, многоженство/мужество и полигамные семьи из трех и более человек, большинство населения не приемлет. На Кубе в сентябре 2022 года прошел референдум, поддержавший легализацию однополых браков и разрешение усыновления детей однополыми парами (явка более 70% и почти 70% голосов «за»), так что Куба в этой области оказалась впереди Италии, Греции, Восточной Европы и практически всей Африки и Азии, где такие права отсутствуют (в Греции парламент легализовал однополые браки только в 2024 г.).

Правые, консерваторы, как правило, считают, что природа человека неизменна и дело политиков построить социальный порядок, наиболее отвечающий человеческой натуре. Напротив, левые рассматривают человека как существо социальное, подверженное и подлежащее воспитанию, так что природу человека можно изменить в нужном направлении. Тюрьма для правых – место наказания преступников, для левых – место перевоспитания. Правые против генетически модифицированных продуктов, против клонирования и экспериментов с геномом человека, против вакцинации и операций по изменению пола. Крайне правые религиозные секты, такие как Фалуныгун и Свидетели Иеговы, даже и сейчас против переливания крови. Левые партии больше поддерживали ограничения и запреты для борьбы с коронавирусной пандемией (обязательные маски в общественных местах, тесты и вакцинации), тогда как правые усматривали в этом ограничения прав человека.

А всеобщая воинская обязанность? Вот уж, какое нарушение прав индивидуумов – и мужчин, и женщин. Право отказаться от военной службы относится к числу неотъемлемых или нет? В Израиле по этому поводу все время возникают проблемы: и с молодежью, уезжающей из страны до достижения призывного возраста, и с пацифистами, которые не соглашаются служить по религиозным соображениям. В воюющих странах всеобщая воинская повинность воспринимается как естественная мера, на Украине, например, с 2022 г. всех мужчин от 18 до 60 за границу не выпускают.

А приказ №270 августа 1941 г., объявивший попавших в плен изменниками родины? Там ведь и родственников предполагалось репрессировать, то есть принцип коллективной ответственности, действовал, какие уж тут права человека? В Израиле, кстати, тоже дома семей террористов сносят – тоже коллективная ответственность и нарушение неотъемлемых прав человека, но критиков немного.

А приказ №277 «Ни шагу назад» в июле 1942 г., создавший заградотряды? Тогда, да и сейчас, многие приказ оправдывают «крайними обстоятельствами», при угрозе выживанию нации интересы общества оправдывают любые ограничения прав индивидуума. А в той самой страшной для нас войне сомнений в том, что поражение означает конец нации и государства, не было: «так, значит, нам нужна одна победа, одна на всех, мы за ценой не постоим».

А пытки, смертная казнь и право не свидетельствовать против самого себя и ближайших родственников, которое предоставляет пятая поправка к американской конституции, 51-ая статья российской, и законы и конституции некоторых других стран? Собственно говоря, если человек был соучастником преступления и не свидетельствует против своих подельников, замысляющих новые преступления, и самого себя, то это затрудняет раскрытие преступлений. Что здесь важнее, общественное благо или права личности?

Сэм Харрис, американский философ и публицист, сравнивал применение пыток (waterboarding – имитация утопления) к подозреваемым в терроризме с «сопутствующим ущербом» (collateral damage) при военных действиях – мол, плохо, конечно, но для победы

необходимо, цена высока, но оправдана, что-то вроде нашего «лес рубят – щепки летят». Джорджа Буша младшего, лично санкционировавшего, применение пыток к террористам Аль-Каида, никто под суд отдать не предлагал. Общее мнение было таково, что пытки, конечно, нарушают «неотъемлемые права», но в критической ситуации можно эти права и отнять.

У Пушкина в «Капитанской дочке» пойманного пугачевского лазутчика-башкирца тут же решают пытать. Дело происходит в октябре 1773 г., когда пугачевские войска только подходят к Оренбургу, а Пушкин пишет роман в 30-е годы 19 века, шесть десятилетий спустя. «Пытка в старину так была укоренена в обычаях судопроизводства, – пишет он, – что благодетельный указ, уничтоживший оную, долго оставался безо всякого действия. Думали, что собственное признание преступника необходимо было для его полного обличения, — мысль не только неосновательная, но даже и совершенно противная здравому юридическому смыслу: ибо, если отрицание подсудимого не приемлется в доказательство его невинности, то признание его и того менее должно быть доказательством его виновности. Даже и ныне случается мне слышать старых судей, жалеющих об уничтожении варварского обычая».

Между тем, комендант Белогорской крепости капитан Иван Кузьмич Миронов, отдавший приказ о пытке, впоследствии показал себя героем: мужественно защищал крепость, был ранен, пленен, но отказался присягать Пугачеву, назвав его вором и самозванцем, и был повешен. Сегодня попавшим в плен солдатам большинства армий мира любые признания под страхом пыток и смерти не ставятся в вину, а правомерность расстрелов за дезертирство во время первой и второй мировых войн сегодня оспаривается многими либералами.

С другой стороны, даже и для самых просвещенных либералов «в критической ситуации», когда нужно сохранить жизни – свои и чужие, убийство и даже канибализм оказываются допустимыми. В 1838 г. великий мастер рассказа Эдгар По опубликовал знакомую многим «Повесть о приключениях Артура Гордона Пима», где четверо моряков на плоту в море после кораблекрушения, не имея пищи, решают съесть Ричарда Паркера, которому достается такая участь по жребию. «Он не оказывал сопротивления, – пишет Эдгар По, –

Петерс ударил его ножом в спину, и он упал мертвым. Не буду рассказывать о последовавшем затем кровавом пиршестве. Такие вещи можно вообразить, но нет слов, чтобы донести до сознания весь изощренный ужас их реальности. Достаточно сказать, что, немного утолив мучительную жажду кровью жертвы, мы с обоюдного согласия четвертовали ее, руки, ноги и голову вместе с внутренностями выбросили в море, а остальное с жадностью ели кусок за куском на протяжении четырех недоброй памяти дней – семнадцатого, восемнадцатого, девятнадцатого и двадцатого числа июля месяца».

Почти полвека спустя, в июле 1884 г., реальная яхта «Миньонет», направлявшаяся из Англии в Австралию, тоже потерпела крушение, и четыре человека, оказавшиеся в одной шлюпке без пищи и воды, тоже решали, как быть дальше. Трое в итоге решили съесть юнгу, которого по невероятному совпадению тоже звали Ричард Паркер (он был болен и без сознания). Трое выживших благодаря мясу четвертого, включая капитана Дадли, предстали перед английским судом, ничего не скрывали и были приговорены к смертной казни, но помилованы особым постановлением и вышли на свободу менее, чем через 6 месяцев. Капитан Дадли и адвокаты, естественно, говорили, что, если бы юнгой не пожертвовали, погибли бы все четверо.

Так, где же эта мера общественного блага, которая позволяет нарушить «неотъемлемые» права человека в «критической ситуации»? И как понять, за какой чертой ситуация становится по настоящему критической?

Данная статья – совсем не про моральные императивы, не про «что такое хорошо и что такое плохо». Обычно у каждого из нас есть твердое мнение о том, что прилично, а что нет: какой длины должны быть юбки в разных ситуациях, нужно ли отменять смертную казнь, нужно ли ограничивать и как именно аборт, владение оружием, однополые браки и воинскую повинность. Я же предлагаю посмотреть на дело с позиций исторического материализма и объяснить, почему разные страны в разные периоды вводили одни ограничения, а в другие – другие.

Возможно, страны и общества, которые проигрывали в исторической гонке и сходили с исторической сцены, имели очень привлекательные для кого-то порядки и принципы защиты прав человека, но поскольку они проиграли в военном и экономическом соревновании другим, их порядки на других не распространились и господствующими не стали. А вот правовые и моральные нормы тех стран, которые побеждают в экономическом и военном соревновании, наоборот, получают все большее распространение. Все-таки каннибализм, рабство, крепостничество и пытки, по крайней мере официально, запрещены сегодня во всех странах и исчезли как массовое явление, а права на однополые браки и на эвтаназию становятся все более приемлемыми. Почему?

Если предоставление или ограничение определенных прав способствует экономическому, военному, социальному прогрессу, то, видимо, страны и общества, соблюдающие верный баланс прав личности и коллектива, со временем будут обладать самой высокой производительностью труда, самым высоким уровнем качества жизни и ее продолжительности, самой передовой технологией и самой большой военной мощью. Даже если в этих обществах не будет лучшей литературы и искусства, они, видимо, все равно вытеснят все остальные общества, так что первые будут считаться передовыми, а вторые – отсталыми.

Определение понятий

Чтобы избежать путаницы, надо договориться об определениях. Права человека — это права выбирать, голосовать или нет, владеть оружием или нет, проходить тест на алкоголь, наркотики или тест на детекторе лжи или нет, призывать к демократии/свержению правительства/восстанию или нет, и так далее. Часто мы говорим о правах человека, которые никакого выбора не предусматривают – право на бесплатное образование, здравоохранение, пенсионное обеспечение, минимальный гарантированный доход и так далее. Отказаться от этих прав можно, а вот налоги платить в казну (которые потом пойдут на финансирование бесплатных общественных благ для всех) нельзя, на то они и налоги, то есть обязательные взносы. А часто даже и права отказаться от бесплатных услуг, например, от бесплатного образования, нет – полноценный член общества должен уметь читать и писать, «не можешь – научим, не хочешь – заставим», как говорят в армии.

Важно понимать, что такие «права» ограничивают свободу личности, а не расширяют ее. Хотя и принято говорить о борьбе за права трудящихся (на 8 часовой рабочий день, на социальные гарантии и минимальный доход), эти меры фактически ограничивают индивидуальные свободы – человеку приходится платить более высокие налоги, чтобы финансировать бесплатное предоставление общественных благ, и уже нельзя отказаться от социальных взносов даже при готовности платить самому за свои образование, лечение, обеспечение в старости.

Правые республиканцы в США, кстати, именно на этом основании считали реформу здравоохранения Обамы, существенно расширившую обязательную медицинскую страховку, ограничением свобод и прав человека. Медицинская страховка не налог, говорили они, человек должен сам выбирать, платить ли ему за медицинские услуги самостоятельно или приобретать страховку. То же и с минимальным гарантированным доходом – налоги, финансирующие этот доход, вынуждены платить все работающие, хотя бы они этого или не хотят, а получать эти деньги будут в основном неработающие.

Так что там, где права выбора для индивидуума нет, есть расширение прав государства и ограничение прав человека. Томас Гоббс, английский философ 17 века, сравнивал государство с Левиафаном – библейским чудовищем, которое возникает благодаря добровольному общественному договору и ограничивает естественные права граждан, чтобы сохранить мир и свободное пользование гражданами оставшимися правами. Например, ограничение прав рабовладельцев на владение рабами с целью обеспечения прав рабов и всех остальных на свободу.

Либеральная трактовка человеческой истории состоит в том, что прогресс заключается в расширении свободы выбора – прав человека. Гегель считал, что человеческая история есть прогрессирующее расширение свободы индивидуума. «Всемирная история направляется с Востока на Запад, так как Европа есть безусловно конец всемирной истории, а Азия ее начало....ведь хотя земля есть шар, однако история не описывает круга вокруг него, а, наоборот, у нее есть определенный Восток, и этот Восток есть Азия. Здесь восходит

внешнее физическое солнце, а на Западе оно заходит: но зато на Западе восходит внутреннее солнце самосознания, которое распространяет более возвышенное сияние. Всемирная история есть дисциплинирование необузданной естественной воли и возвышение ее до всеобщности и до субъективной свободы. Восток знал и знает только, что один свободен, греческий и римский мир знает, что некоторые свободны, германский мир знает, что все свободны». (Гегель, 1993, с. 148-149).

В античном мире действительно многие права граждан (только мужчин и не-рабов), включая права избирать и быть избранным, были установлены законами, но в средневековье эти права благополучно исчезли. Первая крупная попытка ограничить произвол – Magna Carta, английская хартия вольностей 13 века, предоставившая аристократии защиту от произвола короля. С тех пор в западных странах действительно, многие права человека по большей части расширились и становились более всеобщими – предоставлялись рабам и крепостным, простолюдинам и женщинам.

Крах СССР многие восприняли как полную победу либеральной идеи. Френсис Фукуяма, известный американский философ, даже увидел в этом гегелевский «конец истории» (Фукуяма, 2007) и окончательную победу свободы и демократии.

Однако расширение индивидуальных прав в ущерб коллективным интересам ограничило способность общества жертвовать «неотъемлемыми» правами ради общего блага. Слишком много проблем возникло в обществах победившего либерализма и слишком много успехов появилось у стран китайской нелиберальной коллективистской модели. Теперь, вроде бы, многие признают, что «конец истории» объявлен был преждевременно и пока на некоторое время откладывается (Menand, 2018).

Да и если посмотреть на другие права человека – экономические и социальные, то здесь история последних столетий явно идет по пути их ограничения. Социальные гарантии 20 века – бесплатное и обязательное образование, медицинское и социальное страхование (по старости, нетрудоспособности, безработице) – это ограничение прав человека за счет расширения прав Левиафана-государства. Финансовая мощь государства в последние два

столетия возрастала экспоненциально – в США, например, до Гражданской войны бюджет федерального правительства составлял всего 2% ВВП, после войны, в 1870 г. – 4% ВВП, сегодня – порядка 20% (плюс почти столько же бюджеты штатов и местных органов власти).

Гарантии прав человека – причина возвышения Запада?

Традиционный взгляд на вещи состоит в том, что именно гарантии прав личности позволили Западу вырваться вперед в экономической гонке. До 16 века различия в уровнях производительности труда и подушевого дохода в мире были минимальными. 500-800 долларов калибра 1990 г. (Мельянцев, 1996; Maddison, 2008). Больше того, в средние века Китай иногда, например, в период династии Тан (7-10 века н.э.), даже несколько опережал Запад по уровню технологии и потребления (примерно на 20–30%). Эта переменчивость исторических судеб известна в литературе под названием «загадки Нидэма», по имени Джозефа Нидэма (Joseph Needham) – английского ученого, автора многотомного исследования на эту тему. С 16 века, однако, начинается ускоренное развитие Запада. В 1900 г. ВВП на душу населения в развитых странах уже в 6 раз превышал показатель в развивающихся странах. К 21 веку некоторые страны (в Восточной Азии прежде всего) улучшили свое относительное положение, но другие – нет (Чёрная Африка, Латинская Америка, Россия), так что если среднее соотношение развитых и развивающихся стран по подушевому доходу и улучшилось, то не очень значительно.

Следует отметить, что все оценки ВВП на душу населения базируются на достаточно примитивных данных о доходах и ценах в разные исторические периоды и в разных странах. Даже сегодня паритеты покупательной способности валют, которые рассчитываются в рамках программы международных сопоставлений, пересматриваются так, что подушевой ВВП изменяется не на 20–30%, а порой более чем в 2 раза. Применительно к более давним периодам точность, естественно, еще больше снижается.

Но все же можно выделить главные стилизованные факты, которые признают большинство статистиков и экономистов:

- (1) расхождения в подушевом ВВП на протяжении нескольких тысяч лет до 1500 г. между разными странами и историческими периодами были незначительными – 20–30% между континентами и максимум в два раза – между странами;
- (2) с 1500 г. Запад стал расти быстрее Юга, и до 1950 г. этот разрыв между Западом и Югом в подушевом ВВП постоянно увеличивался, достигнув, грубым счетом, 6:1;
- (3) с 1950 г. многие развивающиеся страны, в основном страны Восточной Азии, затем и Индия, стали расти быстрее Запада, так что, хотя другие развивающиеся страны и не испытали ускоренного роста, общий разрыв в подушевых доходах между Западом и Югом впервые за почти 500 лет стал сокращаться.

Как объяснить эти тенденции? Традиционная трактовка (Landes, 1998; Мокыр, 2002 – видимо, самые известные современные работы) состоит в том, что отдельные социальные новации, или же вся их совокупность незадолго до и сразу после 16 века привели к ускорению развития Запада. Среди этих социальных новаций – отмена крепостничества и личная свобода, разрушение соседской общины и огораживание, образование свободных городов, протестантская этика, Magna Carta, университеты, свобода дискуссии и беспрепятственный обмен идеями и т.д.

«Традиционная мудрость, принимаемая многими специалистами по экономической истории, в частности и такими известными, как Дуглас Норт, состоит в указании на набор связанных друг с другом правовых, экономических и социальных институтов, которые, как считается, необходимы для устойчивого экономического роста или, по крайней мере, способствуют ему, – писал об этом Нобелевский лауреат Роберт Солоу. – Самые важные из них – верховенство закона, гарантии прав собственности, относительно свободные рынки и известная степень социальной мобильности. Они уменьшают неопределенность вокруг сбережений, инвестиций и предпринимательской активности и повышают для способных людей стимулы заниматься экономической деятельностью, а не грабежами и молитвами. Промышленная революция произошла именно тогда, когда произошла, так как эти условия оказались выполненными, как никогда раньше; и именно в Англии эти условия были созданы раньше, чем в других странах, и в наиболее полной степени» (Solow, 2007).

Сторонники другого подхода (Diamond, 1997; Pomerantz, 2000 — опять-таки лишь некоторые современные авторы) считают, что особых отличий в развитии Запада и Востока до 18 века не было. Даже в 18 веке, считает Кеннет Померанц, Китай не уступал Европе в том, что касается технологий, уровня потребления, развития институтов, которые могли поддерживать технологические новшества (корпорации, финансовые учреждения, способные мобилизовать большие объемы капитала). То, что в Англии произошло ускорение роста, а в Китае нет, объясняется, по его мнению, стечением довольно случайных обстоятельств — наличием в Англии месторождений железной руды и угля в непосредственной близости друг от друга и большим оттоком населения из Европы после «открытия» Америки.

Как известно, Чжэн Хэ (1371-1435 гг.), величайший китайский путешественник, почти за век до Колумба плывал на огромных кораблях (более 120 м длиной против 30 м у Колумба) к Африканскому рогу, на Мадагаскар, в Индонезию. Дело шло к тому, что Америку «откроет» Китай, а не Европа, но императоры минской династии запретили строительство больших кораблей после путешествий Чжэн Хэ — довольно случайное, а отнюдь не закономерное решение, положившее начало самоизоляции Срединной империи на протяжении последующих 4 веков. В Европе же, согласно Померанцу, эмиграция позволила смягчить давление растущего населения на ограниченные земельные ресурсы и избежать снижения производительности. Согласно же многим другим авторам, удорожание рабочей силы из-за эмиграции в Америку заставило предпринимателей внедрять трудосберегающие технологии, что дало толчок техническому прогрессу.

Джаред Даймонд (Diamond, 1997) придает решающее значение таким, казалось бы, незначительным факторам, как отсутствие легко одомашниваемых животных в Африке, доколумбовой Америке и Австралии и изобилие таких животных в Евразии. Вдобавок, помогала и географическая протяженность Евразии с Запада на Восток, что облегчало распространение передовых сельскохозяйственных технологий из-за схожести климатических условий. Америка же, напротив, вытянута с Севера на Юг, пересекая все мыслимые климатические зоны, в которых возделываются самые разные культуры — от бананов до овса.

Однако обе теории не объясняют, почему Англия и северо-западная Европа не смогли вырваться из мальтузианской ловушки до 16 века и почему другие страны вырвались гораздо позже, а некоторые не вырвались до сих пор. В этом, по сути, и состоит недостаток традиционных объяснений. «Каким образом получилось так, что огромные различия в обычаях, общественном устройстве, институтах, языках, географии, земледелии, и во многом другом не привели к различиям в темпах экономического роста... – спрашивает Джек Голдстоун. ... – И почему этот (*мальтузианский – В.П.*) режим роста неожиданно подошел к концу или был трансформирован, так что темпы роста, бывшие стабильными на протяжении, как минимум, десяти тысяч лет, неожиданно повысились на два порядка за 100 лет» (Goldstone, 2007).

В самом деле, если отказ от традиционных общинных институтов дает ускорение экономического роста, почему этого не случилось ранее в Древней Греции, Риме, Византии, Китае, Индии? Почему в Древней Греции и Риме с высоким уровнем гарантий прав личности, собственности и контрактов, со свободными дискуссиями и обменом идеями не произошла своя промышленная революция? И почему после перехода Запада в режим быстрого экономического роста другие страны не смогли совершить такой же прорыв? Больше того, если успехи в догоняющем развитии и были, то как раз в странах/территориях, которые совсем не укладываются в схему либерального свободного предпринимательства и демократии (СССР до 1970-х годов, Япония, Южная Корея, Тайвань, Гонконг, Сингапур, а теперь – и страны Юго-Восточной Азии и Китай).

Альтернативная гипотеза объясняет экономическое возвышение Запада повышением доли сбережений и инвестиций в национальном доходе при разрушении традиционных институтов (общины) и росте неравенства (Попов, 2012; Роров, 2014). Это так называемый эффект Кальдора (по имени известного британского исследователя экономического роста) – при росте дохода увеличиваются не только сбережения, но и норма сбережений (доля сбережений в доходе), то есть, при росте неравенства сбережения богатых растут быстрее, чем сокращаются сбережения бедных, и общие сбережения общества повышаются при неизменном общем доходе – просто из-за более неравномерного распределения этого

дохода. А рост сбережений ведет к росту инвестиций и повышению производительности труда.

Если эмпирические исследования экономического роста и позволили установить что-то наверняка, так это две закономерности: во-первых, положительная зависимость темпов роста производительности труда и подушевого дохода от доли инвестиций в ВВП, а во-вторых – отрицательная зависимость темпов роста подушевого дохода от темпов роста населения. Теоретическое объяснение таково, что производительность труда и доходы на душу растут из-за увеличения количества машин и оборудования на одного занятого и из-за технического прогресса, а и то, и другое зависят от объема капитала на одного занятого (капиталовооруженности), которая тем выше, чем больше инвестиции и чем меньше темпы роста населения (нет нужды тратить инвестиции на создание новых рабочих мест).

Мальтузианский режим роста, в котором находились все страны до 16 века, характеризовался, среди прочего, низким доходным неравенством. Собственно говоря, неравенство и не могло быть высоким, так как при среднем доходе порядка \$500 долларов в год на душу населения (в долларах 1990 г.) рост неравенства был связан с ростом доли населения ниже черты прожиточного минимума. При предположении, что прожиточный минимум составлял половину среднего дохода, получается, что критический, или максимально возможный уровень неравенства, достигаемый без вымирания населения, примерно соответствует коэффициенту Джини (мера неравенства, изменяющаяся от нуля до 100%) на уровне менее 50% («inequality possibility frontier» - Milanovic, Lindert, Williamson, 2008). Если фактический уровень неравенства превышал критический, население просто переставало увеличиваться или даже сокращалось (из-за снижения рождаемости и роста смертности).

В мальтузианском режиме роста, когда богатство и мощь страны определялись численностью жителей и армии, это чаще всего означало поражение в будущей войне. Успех же страны выражался в быстром росте населения – как в Китае при императоре Цяньлуэне, правление которого (1736—1795 гг.) ознаменовалось небывало быстрым ростом

населения (доля Китая в мировом населении увеличилась с 23% в 1700 г. до 37% в 1820 г. – Maddison, 2008).

Низкое неравенство обеспечивали коллективистские институты, прежде всего община, но также и государство, руководствовавшиеся «азиатскими ценностями» — приоритетом интересов коллектива над интересами индивидуума. А низкое неравенство означало низкую норму сбережений и инвестиций (так как бедная часть населения физически не могла делать сбережения), что создавало порочный круг: низкие сбережения и инвестиции => низкая и не повышающаяся капиталовооруженность => низкая и не растущая производительность труда => низкая норма накопления. Даже если производительность труда и/или норма накопления по какой-то причине и возрастала, вступал в силу другой механизм: ускорение роста населения при повышении уровня жизни (сокращение смертности и рост рождаемости), «съедавшее» повышение капиталовооруженности и производительности труда.

Попытки выйти из мальтузианской ловушки предпринимались не раз, в том числе и в древней Греции и Риме и в Византии, но, видимо, вели только к поражениям этих стран в войнах с более примитивными, но и более приверженными «азиатским» (общинным, коллективным) ценностям захватчиками. Разрушение традиционных (общинных) институтов и приоритетная защита интересов индивидуума, а не общины, вели к росту доходного и имущественного неравенства, что позволяло увеличить сбережения, инвестиции, капиталовооруженность и производительность труда, но лишь ценой поляризации общества и замедления роста и даже сокращения населения – основы могущества наций в мальтузианском режиме роста.

Такой эксперимент при низком уровне доходов мог быть успешным только случайно – нужно было, чтобы два-три столетия драматических социальных перемен с ростом неравенства и крайней бедности не привели ни к разрушительным внутренним бунтам, ни к ослаблению государства и иностранному завоеванию. И, похоже, такая случайность превратилась в действительность в Англии в 16-18 веках во время огораживания, а затем и в остальной северо-западной Европе.

Механизм выхода Запада из мальтузианской ловушки, начиная с 16 века, был совсем не уникальным (попытки выхода предпринимались и до этого). Уникальным, однако, было то, что Запад смог продержаться два-три века, не будучи подорван внутренними социальными конфликтами или завоеван соседями с более традиционными институтами до тех пор, пока производительность труда не выросла к началу 19 века более, чем в два раза, с соответствующими последствиями для военной мощи.

Многочисленные факты подтверждают такую гипотезу. Несмотря на ускорение роста производительности труда в 1500-1800 гг. в Великобритании (до 0,2% в год, так что за три века подушевой ВВП более, чем удвоился²), уровень жизни населения (потребление) не повысился. «Самый важный стилизованный факт состоит в том, - пишет об этом Джек Голдстоун, - что у нас нет никаких свидетельств сколько-нибудь значительного повышения материального благосостояния среднего работника нигде в мире до 1830 г.» (Goldstone, 2007). Даже в Англии, переживавшей промышленную революцию, реальные заработки на самом деле даже сократились в 1500-1800 гг. (Saito, 2009).

Это косвенное подтверждение гипотезы растущего неравенства в эпоху огораживания и первоначального накопления капитала, которое привело к кардинальному росту доли сбережений и инвестиций в ВВП – с 6% в 1760 г. до 12% в 1831 г. (Galor, 1998). Это также согласуется с тем фактом, что еще и в 18 веке уровень жизни в Китае был сопоставим с европейским: по уровню здравоохранения и санитарных условий, медицины, калорийности питания, продолжительности жизни, внутреннего потребления, Китай не уступал главным европейским странам (Pomerantz, 2000). Но в Европе были выше инвестиции – то есть возросший в 16-18 веках национальный доход шел на инвестиции, а не на потребление.

Издержки такого перераспределения собственности и повышения неравенства были исключительно высоки – продолжительность жизни в Англии снизилась с 35-40 лет в конце

² Подушевой ВВП в Великобритании в постоянных долларах 1990 г. увеличился с \$714 в 1500 г. до \$974 в 1600, до \$1250 в 1700 и до \$1706 в 1820 г. (Maddison, 2008).

16 века до 30-35 в начале 18 века. Темпы роста населения упали с 0,7% в 1000-1500 гг. до 0,4% в 16 веке и до 0,3% в 17 веке, прежде чем выросли до 0,9% в 18 веке и 19 веке. Для 29 западноевропейских стран соответствующие цифры составили: 0,8%, 0,3%, 0,1%, 0,5% и 0,7% (Maddison, 2008). А рост социальной напряженности подорвал эффективность госинститутов³.

Но и переориентация всей экономической машины с потребления на накопление стала несомненно крупнейшим социальным изменением за тысячелетия. Ведь прежде, до 16 века, доля сбережений и инвестиций в ВВП едва доходила до 5% и была едва достаточна для возмещения изношенного основного капитала и создания новых рабочих мест для растущего населения.

В Корее и Индии даже в начале 20 века доля сбережений все еще была на уровне 4-7% ВВП. В 1870-99 гг. в Австралии, Канаде, Японии, Великобритании норма сбережений составляла всего 9-14% ВВП (Maddison, 1992). В Аргентине доля сбережений в конце 19 – начале 20 века, вплоть до второй мировой войны, не превышала 10%. А во многих бедных странах Африки и Южной Азии доля сбережений и инвестиций и сегодня находится на уровне 5-10%. Выход же из мальтузианской ловушки и достижение темпов роста производительности, измеряемых десятymi долями процента и выше, с необходимостью предполагает повышение сбережений сверх этого уровня.

Запад, таким образом, вырвался из мальтузианской ловушки не столько благодаря своей изобретательности и предпринимательской инициативе, рожденной свободными университетами и правовыми гарантиями, сколько благодаря жестокости в разделе собственности, который позволил повысить норму сбережений, затрачивать больше средств на изобретения и реализовать эти изобретения «в металле» через возросшие инвестиции.

³ Качество госинститутов определяется способностью государства реализовывать законы и предписания (монополия на насилие, на сбор налогов, на выпуск денег). Объективные измерители эффективности госинститутов – уровень преступности (лучше – уровень убийств, которые регистрируются более полно) и доля теневой экономики (Роров, 2011).

Используя сравнение нобелевского лауреата Пола Кругмана, сделанное по другому поводу⁴, можно сказать, что Запад разбогател не благодаря вдохновению (“inspiration”), но благодаря «поту и крови» (“perspiration”) , или, чтобы быть более точным, благодаря безжалостному «большому толчку» – ускорению накопления капитала, которое стало возможным только из-за роста неравенства после экспроприации мелких земельных собственников, и которое вызвало обнищание масс, повышение смертности и страданий, рост социальной напряженности.

Когда эта западная модель была распространена на развивающиеся страны (через колониальный нажим «сверху» или добровольное подражание «снизу» (Африка южнее Сахары, Латинская Америка, Российская империя), она также привела к повышению нормы накопления, но и к росту неравенства и снижению качества институтов (рост социальной напряженности, преступности, теневой экономики), что ухудшило стартовые позиции для экономического роста. Другие районы развивающегося мира, менее подверженные колониальному влиянию и лучше сохранившие традиционные институты (Восточная Азия, Ближний и Средний Восток, Южная Азия), имели низкую норму накопления и пребывали в мальтузианской ловушке до 20 века, однако сумели избежать ослабления государственных институтов. Постепенное и очень медленное повышение ВВП на душу в результате технического прогресса в 16-19 веках позволило им найти другой выход из мальтузианской ловушки – повышение нормы накопления без роста неравенства, бедности, смертности и подрыва институтов.

Эта группа мало вестернизированных развивающихся стран, представленная прежде всего Восточной Азией, задержалась на старте, то есть фактически не росла до середины 20 века, но, когда смогла поднять норму накопления и запустить механизм роста, стала расти быстрее всех остальных благодаря способности сохранить относительно низкое

⁴ Пол Кругман говорил о восточноазиатском «экономическом чуде» – быстром росте Японии, Южной Кореи, Тайваня, Сингапура, Гонконга, – который, как он полагал, был вызван ускоренным накоплением капитала из за высокой доли инвестиций в ВВП (экстенсивные факторы роста – “perspiration”), а не ускоренным ростом совокупной факторной производительности (“inspiration”). То есть, Кругман считал, что «чуда», по сути, и не было.

неравенство и сильные госинституты. Доходное и имущественное неравенство в этих странах, особенно при контроле на размер и уровень развития, было сильно ниже, чем в вестернизированных Латинской Америке и Африке южнее Сахары, доля госрасходов и госпотребления в ВВП (опять-таки при контроле на размер и уровень развития) – значительно выше, уровень убийств и теневой экономики значительно ниже (Попов, 2012; Попов, 2014; 2020с, 2022).

Если такая интерпретация верна, то послевоенный экономический рост Восточной Азии, видимо, является поворотным моментом в мировой экономической истории. Не столько потому, что в Восточной Азии живет треть мирового населения, сколько потому, что догоняющее развитие впервые оказалось и оказывается успешным, и потому, что оно основано на принципиально иной, отличной от западной, экономической модели и ином выходе из мальтузианской ловушки. Эта модель сохранения коллективных («азиатских») ценностей, относительно низкого неравенства и институциональной преемственности, обеспечивающей более высокое качество институтов, менее болезненный выход из мальтузианской ловушки и более быстрый и справедливый (с меньшим неравенством) экономический рост.

Либеральная идея и «азиатские ценности»

«Азиатские ценности» – это приоритет интересов общества (общины, деревни, предприятия, нации, мирового сообщества) над интересами индивидуума. Они часто противопоставляются западным ценностям, в основе которых посылка о неотъемлемых, священных правах человека, которые не могут быть отчуждены от индивидуума ни при каких обстоятельствах, даже ради достижения высшего общественного блага (Попов, 2021).

Ценности, конечно, понятие во многом расплывчатое и субъективное, экономисты любят оперировать объективными и измеряемыми показателями, но таковые тоже есть. Самое главное, что отличает восточноазиатскую модель от либеральной – низкий уровень доходного и имущественного неравенства, на котором и зиждется социальная гармония – в Китае и Восточной Азии неравенство сегодня оказывается ниже, чем в других странах, если

только правильно проводить сравнения – с поправками на размер страны и уровень развития (Роров, 2020 с; 2022).

В Китае коэффициент Джини составляет более 40% – практически столько же, сколько в США и в ЕС (если ЕС рассматривать не как совокупность стран, а как одну территорию)⁵. Но при этом неравенство в основном связано с различиями в доходах *между* провинциями (24 процентных пункта), как и в Европе – *между* странами (23 процентных пункта), а не с различиями в доходах *внутри* провинций/стран. В США же из более 40% общего коэффициента Джини лишь 6 процентных пунктов связано с неравенством в доходах *между* штатами. Если Китаю удастся сократить разрыв в доходах *между* своими провинциями (а ЕС – *между* странами) до уровня, близкого к неравенству *между* штатами США, тогда общее неравенство между гражданами упадет до довольно низкого уровня – немногим более 20% (Milanovic, 2012).

Кроме того, и «олигархоемкость» (отношение богатства миллиардеров к ВВП), измеряющая неравенство на самом вершине имущественной пирамиды, в Китае ниже, чем в большинстве других стран. Доля государства в экономике (госпотребление в % к ВВП, чтобы быть точным) выше, чем в схожих по этим параметрам государствах, число нарушений правопорядка и уголовных наказаний (число преступлений, убийств и заключенных на миллион населения) – меньше (Роров, 2020 а, с; 2022). Есть и другие измеряемые объективные показатели – пожизненный найм и безработица, соотношение банковского кредита и фондового рынка, концентрация контроля над корпорациями, и т. д. Есть и различия в субъективных ценностях, измеряемых опросами (проект «Всемирный обзор ценностей» – World Value Survey) и других организаций – степень доверия правительству, готовность защищать свою страну, важность семейных уз и прочее (Роров, 2020 с).

⁵ Многие провинции в Китае больше крупных и средних государств – и по населению, и по площади, и по экономическому потенциалу. Население двух китайских провинций (Гуандун, Шаньдун) превышает 100 миллионов человек, население провинции Хэнань – 99 миллионов. Еще в нескольких провинциях проживает более 50 миллионов человек (т.е. больше, чем в большинстве штатов США и государств Европы). Так что Китай следует сравнивать с США (имеющими в 4 раза меньшее население, но по крайней мере сопоставимый с Китаем ВВП) или с регионами, состоящими из нескольких государств (например, ЕС или АСЕАН), а не с отдельными странами.

Защитники «азиатских ценностей», корни которых часто ищут в конфуцианстве, настаивают на приоритете интересов общества над интересами индивидуума, считая, что в принципе правами отдельных индивидуумов, в том числе и политическими, можно пожертвовать ради высшего общественного блага, например, ради достижения устойчиво высоких темпов роста и социального равенства.

Такой подход прямо противоположен либеральным ценностям. Известный политический философ Джон Роулс сформулировал принцип, в соответствии с которым демократические ценности и права человека имеют приоритетное значение: согласно Роулсу (Rawls, 1971), права человека, включая политические права, «не могут быть ни предметом политического торга, ни разменной монетой при расчете общественных интересов».

По словам Аматыи Сена (Sen, 1997), «Ли Кван Ю, бывший премьер-министр Сингапура и горячий сторонник «азиатских ценностей», защищал авторитарную модель правления как раз на том основании, что она эффективна для достижения экономического успеха. Но самое главное в «азиатских ценностях», конечно, массовое понимание, что страна и общество важнее любого индивидуума, даже самого важного. Скажем, политика ограничения рождаемости, практиковавшаяся в Китае с начала реформ в 1979 г. и до недавнего времени, на Западе традиционно считается нарушением «неотъемлемых» репродуктивных прав граждан, но в Китае поддерживалось подавляющим большинством населения и не вызывала вопросов.

«Когда богатства распределяются равномерно, то не будет бедности, – отмечал Конфуций, – когда в стране царит гармония, то народ не будет малочислен; когда царит мир (в отношениях между верхами и низами), не будет опасности свержения (правителя)» (Конфуций, 2001).

«Не спрашивайте, что ваша страна может сделать для вас, спросите, что вы можете сделать для своей страны» – эта знаменитая фраза Джона Кеннеди произвела сильное впечатление

в США и на Западе, но не в Китае. «А что, разве может быть по-другому?» – с недоумением спрашивали меня знакомые китайцы.

Ответственность перед семьей, конечно, на первом месте: В «Беседах и суждениях» Конфуция приводится история почти что про Павлика Морозова – про некоего молодого человека, которого назвали «честным» за то, что он донес на своего отца, который украл овцу. Конфуций горестно вздохнул и сказал: «Подлинно честный человек не таков. Отец скроет преступление сына, сын скроет преступление отца – вот что значит честность» (Конфуций, 2021). Но и долг перед государством не на последнем месте. Собственно говоря, государство на китайском часто так и обозначается – го-дзя, то есть государство-семья.

Вот, кстати, еще один очень сложный, но, видимо, связанный с «азиатскими ценностями» феномен: почему в Китае и Японии были самоубийства при потере чести/лица, но не было дуэлей? Собственно говоря, дуэли были, но лишь по «спортивным», так сказать, соображениям: не смертельные – для выяснения сил сторон, а смертельные – до начала сражения армий. А вот для защиты чести после нанесенного оскорбления – такого не было. Спасти от бесчестия могла сэппуку (харакири) в случае невозможности исполнить долг перед господином или императором. Также была и месть: как говорит китайская пословица, «для благородного человека и 10 лет не срок, чтобы отомстить». А вот институт дуэли как средства восстановления справедливости не прижился.

В Европе дуэли, распространившиеся с 16 века, были частью процесса приобретения прав дворянством, на которые никто не мог посягнуть, даже монарх. Дуэли вскоре запретили, и даже ввели уголовные наказания за участие в таковых, но они все равно случались даже и в 20 веке. То же и с самоубийствами – в христианстве и других авраамических религиях (иудаизме и исламе) самоубийство в большинстве случаев не преподносится как благое деяние и считается греховным. В разное время западные страны ввели наказания за самоубийства, но после Французской революции самоубийство постепенно стали вычеркивать из списка уголовных преступлений.

Даже и сейчас в большинстве штатов США действует закон, запрещающий оказывать помощь другому лицу в осуществлении суицида, а дискуссия, кому принадлежит жизнь человека – ему самому, обществу или Богу, и кто соответственно может ей распоряжаться, продолжается. Либералы, конечно, доказывают, что сам человек вправе решать, когда умирать, процедуры медицинской помощи самоубийцам на начало 2024 г. были разрешены в Австрии, Бельгии, Испании, Канаде, Люксембурге, Нидерландах, Новой Зеландии, Португалии, Швейцарии, некоторых штатах США и Австралии.

Однако в традиционных обществах считалось и считается, что жизнь подданных принадлежит всему социуму, а с образованием государства – верховному правителю, который мог простить, а мог и казнить (монополия на насилие). Турецкий султан посылал провинившимся шелковый шнурок, которым адресата и душили, если он не совершал самоубийство. В Китае тоже существовал обычай, называемый «пожаловать смертью» – приговоренному к смертной казни ввиду его особых заслуг позволялось как выражение милости государя самому покончить с собой. В знак этой милости «жаловался» шелковый шнур или меч.

Для японских самураев гибель в бою или самоубийство было почетной обязанностью. «Каждый из самураев умирал в тот момент, когда впервые брал в руки меч, факт физической гибели был простой формальностью. О своей жизни самураю полагалось забыть и полностью посвятить ее служению господину» (Шелехов и др., 2011). Законченное выражение такой подход к жизни и смерти нашел свое выражение в институте камикадзе в Японии во время второй мировой войны: добровольцев вступить в ряды смертников среди молодых людей того времени было больше, чем требовалось (несколько тысяч).

Отношение к жизни в традиционных обществах напоминало отношение к жизни рабов в Риме: если свободные граждане имели право на суицид, то рабы нет, так как являлись имуществом хозяина. Чтобы при продаже живого товара покупателю не подсунили брак – раба, намеревающегося свести счеты с жизнью, существовал «гарантийный срок»: если купленный раб убивал себя в течение полугода после совершения сделки, продавец обязывался вернуть покупателю деньги (Шелехов и др., 2011).

Суицидология различает индивидуальные и ритуальные самоубийства. Индивидуальное самоубийство – решение самого человека в противовес законам, обычаям и мнению общества, ритуальное же, наоборот, происходит под давлением общественных стереотипов. «Ритуальное самоубийство требует почти полного отсутствия свободы воли и подчинения принятым в обществе жестким формам и стереотипам поведения, находящим свое полное и логическое завершение в тотальной ритуализации жизни и смерти. Ритуальное самоубийство может существовать только в таком обществе, где очень низка ценность человеческой индивидуальности» (Шелехов и др., 2011).⁶

Самоубийства на Востоке в основном ритуальные – либо для исполнения долга перед обществом, либо из-за неспособности выполнить этот долг. Камикадзе жертвуют собой ради родины, а самураи совершают сэппуку, если не смогли спасти господина от гибели или бесчестья. Например, в Корее в 2014 г. повесился учитель, сопровождавший школьников на затонувшем пароме, спасшийся сам, но не сумевший спасти своих учеников. Последний император минской династии Чжу Юцзянь весной 1644 г., когда повстанцы крестьянского восстания подошли к Пекину и осадили его, видя безвыходность своего положения, повесился на горе Цзиньшань.

Самоубийства вдов во многих странах считались признаком истинной любви к мужу и доказательством их верности. В Китае этот обычай бытовал около полутора тысяч лет, вплоть до 20 века, в Индии такие самоубийства происходят до сих пор.

В Китае каждому известна история Ян Гуйфей – любимой наложницы императора танской династии Сюань-цзуна и одной из четырех главных красавиц китайской истории, воспетой многими авторами в стихах и прозе и в едва ли не самой известной пекинской опере

⁶ Схожее отношение к самоубийству существовало и в фашистской Германии. Ампулы с цианистым калием выдавались сотрудникам канцелярии НСДАП, аппарата СС, чиновникам государственного и партийного аппарата, членам их семей, секретарям и стенографистам – то есть людям, причастным к государственным тайнам. Сохранились дневники секретарши Гитлера – Траудль Юнге: «Бункер фюрера содрогался от взрывов. Адольф Гитлер протянул как некое сокровище ампулу с цианистым калием: «Я бы с удовольствием подарил бы Вам на прощание что-нибудь другое». Юнге не воспользовалась подарком. Она дожила до 81 года и умерла 2002 году (Шелехов и др., 2011).

«Пьяная наложница». В 8 веке н.э. из-за восстания императору пришлось бежать из столицы, а армия взбунтовалась, считая наложницу причиной всех бед и требуя ее казни. «Умоляем Ваше величество забыть о личных привязанностях ради благополучия страны и трона», — просили главный евнух и вельможи, так что император отдал приказ. По одной версии Ян Гуйфей повесилась сама, по другой ее удавил главный евнух, отведя в деревенский буддийский храм и задушив ее там под грушевым деревом...

Отношение числа убийств к числу самоубийств иногда считается показателем индивидуализма и коллективизма – если человек винит в своих проблемах внешние силы/общество, он убивает других, а если винит самого себя, то совершает самоубийство. Возможно, поэтому в южных штатах США отношение числа убийств к числу самоубийств выше, чем в северо-восточных (Lester, 1994). Также и в странах Восточной Азии число убийств в расчете на 100 000 жителей – одно из самых низких в мире (в Китае и Японии – на порядок ниже, чем в США – 0,6 и 0,2 соответственно против 7), а по уровню самоубийств Восточная Азия, хоть и тоже лучше других, но не настолько.

Уровень убийств, кстати сказать, сильно зависит от доходного и имущественного неравенства, а вот уровень самоубийств почти не зависит, а если и зависит, то слабо и отрицательно – чем выше неравенство, тем меньше самоубийств (Роров, 2018 а; 2019). Так, в Латинской Америке уровень неравенства и убийств высок, а уровень самоубийств – относительно низок⁷.

И, опять-таки, речь здесь не столько о субъективных ценностях и мнениях, сколько об объективных закономерностях и тенденциях. Надо ли помогать самоубийствам безнадежно больных или разрешать дуэли, или формировать отряды камикадзе в воюющих армиях, – наверняка, у каждого читателя есть определенное мнение, что именно соответствует моральным нормам и какие законы должны регулировать эти сферы жизни. Здесь же речь

⁷ Литература по убийствам и самоубийствам чрезвычайно обширна, теорий много, исчерпывающих объяснений пока нет. Показано, что значение имеют этнические, психологические, религиозные, экономические и социальные факторы. В некоторые периоды убийства и самоубийства скоррелированы положительно (войны, кризисы), но в другие – отрицательно (Bills, 2017).

о том, как объяснить различия во времени и в пространстве – почему в одних цивилизациях и в одни исторические эпохи люди не были властны над собственной жизнью и смертью, а в другие времена и периоды право на жизнь и смерть считалось неотъемлемым правом самого человека.

Собственно говоря, то, что сегодня называют «азиатскими ценностями», до протестантизма 16 века было универсальным принципом всего человечества – никакого примата интересов индивидуума над интересами общества до этого времени не было. Перечитайте «Ветхий Завет» – сколько народа, своего и чужого, загубил Моисей во имя высшей божественной цели привести соплеменников в «Землю обетованную» и произвести от них «народ сильный и многочисленный». Нациям надо было тогда выживать в трудной борьбе с врагами – какие уж тут права человека, когда фараон по пятам гонится...

Ибн Хальдун, великий арабский философ 14 века, считал, что возвышение и падение наций и цивилизаций определяется *асабией* – солидарностью, сплоченностью и единством, чувством коллективизма, способностью поддерживать друг друга. Возвышение арабского халифата он объяснял именно изначально высокой *асабией* бедуинов пустыни. При этом в вопросах экономической политики Ибн Хальдун был типичным «либералом», полагая в частности, что для экономического процветания налогообложение должно быть уменьшено, а размеры и прерогативы государства – ограничены (Ибн Хальдун, 2008).

Понятие *асабии* было достаточно распространено и в доисламскую эпоху, но приобрело популярность именно после трудов Ибн Хальдуна, который рассматривал *асабию* как фундаментальную взаимосвязь индивидуумов в человеческом обществе. На Ближнем Востоке, кстати сказать, уровень неравенства и сейчас ниже, чем в других странах с аналогичным уровнем экономического развития. В мусульманских странах при прочих равных условиях (контролируя на многие факторы – на размер страны, плотность населения, доход на душу населения, урбанизацию, демократию, коммунистическое прошлое, индекс эффективности правительства) коэффициент Джини распределения доходов в среднем случае на 5 процентных пунктов ниже, чем в других странах (Попов, 2016).

Но, строго говоря, «азиатские ценности» не связаны ни с какой идеологией и могут мирно сосуществовать и с исламом, и с марксизмом, и с христианством, и с конфуцианством. Главное в «азиатских ценностях» – приоритет интересов общества над интересами индивидуума; главный критерий – низкое неравенство в распределении богатства и доходов. А принцип равенства и справедливости ставят во главу угла практически все религии и учения, кроме либерализма. Одна из пяти главных заповедей ислама – закят – обязательный налог на богатых в пользу бедных; христианство призывает к милосердию, а про реальный социализм, который не на словах, а на деле обеспечил самое низкое неравенство в истории, и говорить нечего.

Китай сегодня пытается найти свою национальную идеологию и все чаще обращается к конфуцианству, которое в императорском Китае свыше двух тысяч лет играло роль основной религии и принципа организации государства. Главная идея конфуцианства – гармония и стабильность в обществе, достигаемая упорядочением отношений правителей и подданных, сегодня снова поднимается на щит, хотя при Мао Цзэдуна ее критиковали, как недостаточно революционную.

В конфуцианстве тогда видели причину вековой отсталости Китая – какие могут быть технические и социальные нововведения при архаичных закостеневших административных структурах, предполагающих подчинение детей родителям, младших – старшим, чиновников – начальникам, начальников – императору. Такой взгляд на вещи был, кстати, характерен для западных исследователей 19 века, объяснявших отсталость Китая. Но вот сейчас, похоже, в этих же конфуцианских идеях видят причину возвышения Китая и его бурного роста в последние десятилетия: именно порядок, а не анархия, стабильность и гармония, четкие правила субординации создают благоприятный инвестиционный климат и необходимые условия для быстрого экономического роста.

Китайская система меритократии – экзамены для государственных чиновников (*кэцзюй*), просуществовавшие в Китае почти полторы тысячи лет, отмененные только в 1905 г., но сегодня снова возрожденные, – обычно оценивается положительно, считается одной из

причин успеха государства. Чиновники назначались на государственные должности не благодаря своему происхождению или протекции, как в средневековой Европе, а благодаря своим знаниям и талантам. В итоге империя получала квалифицированных управленцев, обеспечивала высокую социальную мобильность и сильную центральную власть. Но вот в недавней работе (Huang, 2023) доказывается прямо противоположное – вроде как эта система подавляла творческую инициативу и вела к технологической деградации.

Такие различия в интерпретациях – не редкость в социальных науках. Все наверняка помнят первую фразу романа Толстого «Анна Каренина»: «все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему». Если же говорить о странах и об их успехах в экономическом развитии, то, похоже, дело обстоит совсем не так: истории «экономических чудес» очень разнятся и порой имеют вообще мало общего. Нередко можно встретить противоречащие друг другу заключения о причинах экономического роста: про одни страны говорят, что источниками их быстрого роста стали либерализация и свободная торговля, а успех других объясняется протекционизмом и промышленной политикой.

Часто дело просто в господствующей идеологии. В 70-е годы прошлого века экономический успех Японии объяснялся специфической структурой экономики, называемой тогда «Japan incorporated» — особыми отношениями между бизнесом и правительством (всесильное министерство международной торговли и промышленности – MITI), между банками и нефинансовыми компаниями (германо-японская кредитно-финансовая система – Роров, 1999; Попов, 1999) и между предпринимателями и рабочими (пожизненный найм). Во время стагнации 90-х годов и особенно после азиатского кризиса 1997 г., который не обошел и Японию, эти самые особые отношения стали рассматриваться как неотъемлемая характеристика «приятельского капитализма» (*crony capitalism*), виновного в застое и кризисе.

Точно так же во время азиатского кризиса 1997 г. США настаивали, чтобы азиатские страны не национализировали банки, не увеличивали госрасходов и не накачивали денежную массу в обращение, хотя сами в ходе кризиса 2008–2009 гг. вынуждены были прибегнуть именно

к этим рецептам. «Делайте, как мы говорим, а не так, как мы делаем», — так США тогда объясняли различие рекомендаций в отношении экономической политики внутри страны и «на экспорт».

Здесь, однако, речь не о реальных причинах успехов и провалов и не столько о самих идеях Конфуция, сколько о том, как изменилась их трактовка. Сегодня Конфуций рассматривается как оппонент западной либеральной модели. Яо Ян, известный китайский экономист, директор Китайского центра экономических исследований и декан Национальной школы развития Пекинского университета, доказывает, что марксизм вполне совместим с конфуцианством и даже, более того, является одним из вариантов развития конфуцианства (Уао, 2023).

В 2023 г. китайское телевидение (программа провинции Хунань) показало сериал «Когда Маркс встретил Конфуция». В нем, в частности, Маркс признается, что разделяет приверженность политической стабильности и что на самом деле долгое время был китайцем. «Даже когда многие политологи-теоретики в начале 20 века осуждали конфуцианство, — пишет Рана Миттер в статье в «Форин Аффферс», — другие мыслители стремились показать, что Китаю не обязательно подражать западным идеям для модернизации, будь то националистические, либеральные или марксистские. Они нашли путь для другого, но потенциально эффективного вида модернизации в русле традиционных китайских идей» (Mitter, 2024).

Кто – кого: соревнование цивилизаций. Дуншен, сицзян?

Дуншен, сицзян – взлет Востока, упадок Запада – этой формулой пользовались многие китайцы, включая Мао Цзэдуна и Си Цзиньпина. Сегодня об этом возвышении Востока не говорит только ленивый. Если тенденции послевоенного периода продолжатся, то Китай через несколько десятилетий обгонит Запад по производительности труда и подушевому доходу. Вопрос в том, продолжатся ли.

Одно время казалось, что Запад, поставивший на личную свободу и права человека, сумел обогнать все другие цивилизации и экономически, и в военном и культурном отношении,

так что им остается только подражать Западу, чтобы добиться таких же успехов. Однако взлет Восточной Азии в послевоенный период, и особенно центра Восточной Азии—Китая, заставляет думать, что «конец истории» откладывается, и в соревновании цивилизаций еще рано ставить точку. Китаю (а раньше—другим странам/территориям Восточной Азии, основанным на китайской культуре – Японии, Гонконгу, Сингапуру, Южной Корее, Тайваню, странам АСЕАН) удалось в послевоенный период поднять темпы роста до 7-10 % и поддерживать эти темпы роста в течение нескольких десятилетий. В итоге Восточная Азия во второй половине 20 века стала, по сути, единственным крупным регионом, которому удалось сократить разрыв в уровнях экономического развития с Западом (Попов, 2002; 2015 а; Popov, 2015).

Ни Латинской Америке, ни Ближнему Востоку, ни Южной Азии, ни Африке, ни бывшему СССР и Восточной Европе сделать это не удалось. Да, в 1950-1970-е годы СССР и Восточная Европа, а также Латинская Америка сокращали разрыв с Западом. Но затем их модель импортозамещающего развития с треском рассыпалась: в Латинской Америке— после долгового кризиса начала 1980-х годов, в и Восточной Европе – в 1990-е годы, когда ей пришлось пережить падение производства, сравнимое только с «великой депрессией» 1930-х годов. Собственно говоря, именно и только в Восточной Азии находятся страны/территории, которые смогли превратиться из развивающихся в развитые — Япония, Южная Корея, Тайвань, Сингапур, Гонконг. Других государств, сумевших догнать Запад благодаря высоким темпам роста (а не благодаря повышению цен на ресурсы, как в странах Персидского залива), в мире пока нет. Два последних случая можно списать на малые масштабы – это города, а не страны, но вот первые три никуда не денешь, они, что называется, колют глаз. Тем более теперь, когда по стопам этих стран/территорий идет континентальный Китай с пятой частью мирового населения.

После краха СССР китайская, точнее, восточноазиатская, модель развития завоевывает все больше сторонников в развивающихся странах—от Бразилии до Фиджи. Геополитика и военный потенциал, конечно, имеют значение, но доминировать в конце концов будут страны, которые добьются наивысшей экономической эффективности.

«Производительность труда — это, в последнем счете, самое важное, самое главное для победы нового общественного строя" (Ленин, 2018).

Сравнительная экономическая и социальная динамика в период пандемии коронавируса в 2020-2021 гг. – еще одно доказательство преимуществ коллективистской модели, если такие доказательства еще кому-то нужны. В Китае, Японии, Южной Корее роста смертности в сравнении с предшествующим периодом (2015-2019 гг.) практически не было, а продолжительность жизни не сократилась. Из западных стран такой результат продемонстрировали только Австралия, Исландия, Новая Зеландия и Норвегия, а в США уровень смертности вырос грубым счетом на 25% (это без малого миллион избыточных смертей в сравнении с трендом), продолжительность жизни сократилась на два года – с 78,8 в 2019 г. до 77,3 лет в 2020 г. и до 76 лет в 2021 г., а в Китае в том же году возросла до 78 лет, так что Китай по этому показателю обогнал США.

И при этом рост экономики продолжался: темпы роста в 2020 г. в Китае только замедлились (с 6 % в 2019 г. до 2% в 2020 г.), а затем восстановились, хотя и с большими перепадами – 8.4%, в 2021 г., 3% в 2022, 5% в 2023. Во всех же остальных странах G-20, кроме Турции, в 2020 г. произошло падение производства, иногда значительное – от 5 до 10% в 2020 г. (Popov, 2020 a, b, d).

Интересно, что, вопреки фактам, у массового зрителя-читателя в западных странах, да и во многих других, в том числе и в России, сложилось впечатление, что в Китае издержки пандемии были особенно высоки. Западные либеральные медиа, как правило, рассказывают истории о чрезмерно жестких ограничениях во время ковида в Китае, и пытаются доказать, что это не только нарушило «неотъемлемые» права человека, но и подорвало китайскую экономику.

Вот типичное описание пандемии в Китае из статьи в «Форин Афферс»: «Все крупнейшие экономики в начале пандемии пережили ту или иную версию карантина, но ни в одной из них не было ничего столь резкого, сурового и беспощадного, как анти-пандемические меры Китая. «Нулевой COVID» был столь же беспощадным, сколь и произвольным в своем

местном применении, которое, казалось, подчинялось только прихотям партийных чиновников. Китайский писатель Мужун Сюэцунь сравнил этот опыт с кампанией массового заключения. Иногда нехватка продуктов, лекарств, отпускаемых по рецепту, и критической медицинской помощи становится проблемой даже для богатых людей со связями в Пекине и Шанхае» (Posen, 2023).

На самом деле, конечно, ограничения были строгими только при изоляции районов распространения эпидемии (локдауны и карантин в Ухани и других городах) и в отношении въезда в Китай из-за границы (двухнедельный обязательный карантин за свой счет в гостинице), но разве могут быть сомнения в оправданности этих ограничений, если это позволило спасти без преувеличения миллионы жизней.

Факты, что называется, налицо: Китай – одна из немногих стран, которая сумела во время пандемии привить практически всех (по крайней мере одну дозу вакцины к началу 2023 г. получили свыше 90% всех жителей против 80% в США, 70% в Европе и порядка 60% в России) и не только снизить общую смертность и увеличить продолжительность жизни, но и избежать сокращения производства. Как заметил китайский обозреватель, отвечая на критику американцев о «китайском вирусе», официальным лицам США надо бы «надеть маску, замолчать и послушать других».

Удивительно здесь то, как легко вводить людей в заблуждения и как просто создаются мифы. Даже и сегодня, когда интернет предоставляет столько информации, в представлениях людей укореняются стереотипы, столь далекие от реальности, – мол в Китае от коронавируса умерли миллионы, а экономика остановилась. Борьба с такими представлениями крайне сложно. В западных странах, например, общее мнение таково, что процент мусульман в европейском населении составляет в среднем 16% (на самом деле только 3%). А в теорию эволюции Дарвина верит только от 25 до 85% населения, остальные сомневаются или думают, что Бог создал мир за 7 дней. В США в бытность Барака Обамы президентом каждый пятый считал, что Обама мусульманин, а от 11 до 45% всех опрошенных считало, что в Ираке действовала Аль-Каида, там было найдено оружие массового поражения, и весь мир в основном поддерживал вторжение США в Ирак в 2003

г. (11% тех, кто слушал и смотрел некоммерческие медиа – «Нэшнл Паблик Рэдио» и «Паблик Бродкастинг», и 45% тех кто смотрел «Фокс ньюс» –Grote, Popov, 2018).

Но в конце концов даже и самые прочные стереотипы разрушаются, если реальность им противоречит, так что «азиатские ценности» могут оказаться более привлекательными для других стран, чем протестантская «свобода личности с правами человека». Все-таки китайской цивилизации уже 5000 лет, и только она одна сохранила непрерывную преемственность и не сошла с дистанции, как другие. Открывшееся же у Китая в последние 75 лет «второе дыхание» заставляет рассматривать отставание в 19 – первой половине 20 века как «временные трудности роста».

А вот конец либеральной идеи свободы и равенства, похоже, не за горами. Из нынешнего кризиса либерализма есть два выхода, и оба с летальным (для либерализма) исходом. Первый – более или менее постепенная и безболезненная замена либеральной модели Запада на восточноазиатскую и продолжение исторического процесса. Второй – распространение западной либеральной модели на весь мир и утрата способности справиться с растущим неравенством, истощением ресурсов, экологическим кризисом и военными конфликтами. Фактически сегодня человечество выбирает: либо победа либеральной идеи и конец истории (без кавычек), либо отказ от либеральной идеи и продолжение истории.

Основное противоречие современной эпохи, да и всей человеческой истории, – не между капитализмом и социализмом и даже не между авторитаризмом и демократией, а между индивидуализмом и коллективизмом, между общественными и личными интересами (Попов, 2022). Страны, вырывающиеся вперед в экономической гонке, позволяют себе роскошь индивидуализма, ставя во главу угла права человека, что подрывает политическое и экономическое могущество и кончается их упадком и возвышением более коллективистских цивилизаций (Попов, 2012 а, б). Вот уж, в буквальном смысле старая, как мир, история...

В последние годы развитие Китая, как известно, замедлилось (Попов, 2020; Popov, 2023b). В 2007 г. ВВП Китая вырос на 14%. С тех пор темпы роста снижались практически постоянно и в 2023 г. составили «всего» 5%. Темпы роста за пятилетний период (пятилетняя скользящая средняя) сегодня находятся на самом низком уровне за 40 лет, с начала реформ в 1978 г.

Многие экономисты указывают на объективные факторы, которые привели к замедлению роста (Lin, Wan, Morgan, 2016). Один из безусловных факторов такого рода – снижение темпов роста рабочей силы. Население трудоспособного возраста (и занятость) росло примерно на 2% ежегодно в 1980–2000-е годы, но позже рост снизился и полностью прекратился (с 2014 г. население трудоспособного возраста совсем не растет). Это может объяснить снижение темпов роста ВВП на 2 процентных пункта в год, скажем, с 10 до 8%, – важное, но далеко не полное объяснение.

Другим объективным фактором является исчерпание «преимуществ отсталости» – легче догонять богатые страны с низкой базы, в том числе и потому, что инновации на переднем крае технического прогресса сложнее и дороже, чем заимствование технологий. Копирование уже существующих технологий может быть совсем бесплатным – патенты обычно действуют только 20 лет, так что, если изобретения были сделаны раньше, их можно использовать бесплатно, не говоря уже о пиратстве – игнорировании законов о защите интеллектуальной собственности. Но даже и приобретение технологий через покупку патентов и авторских прав и через привлечение прямых иностранных инвестиций, как правило, обходится дешевле, чем проведение собственных НИОКР и «изобретение велосипедов». Развитые страны никогда не росли с десятипроцентной скоростью, как страны «экономического чуда» в Восточной Азии и в других регионах. А когда эти страны приближались к технологической границе, в них наблюдалось замедление роста.

Как уже говорилось, пока известны только 5 стран/территорий в мире, которые прорвались в клуб богатых стран из бедности: Япония, Южная Корея, Тайвань, Гонконг и Сингапур. В 1950 г. их подушевой ВВП составлял менее 20% дохода на душу населения в США, а затем в течение 2-3 десятилетий они вышли на уровень 50% и более. Теперь по их пути идут

страны Юго-Восточной Азии, Китай и некоторые другие. И логично было бы ожидать, что на определенном этапе, по мере приближения к технологической границе, в них произойдет замедление роста.

Этот аргумент, что и говорить, безусловно веский, но в данном случае не вполне уместный. Замедление роста в странах и территориях «экономического чуда», если и происходило, то на этапе, когда их доход на душу населения был более 50% от уровня США, тогда как ВВП на душу населения в Китае (по паритету покупательной способности, то есть в сопоставимых ценах) сейчас ниже – всего 25% от уровня США (Попов, 2020; Роров, 2023b). Более того, в реальности заметное замедление роста произошло только в Японии и Гонконге, тогда как другие «драконы» и «тигры» продолжали расти довольно высокими темпами даже после того, как стали богатыми, минуя печально известную «ловушку среднего дохода» на высокой скорости.

Таким образом, если прошлый опыт стран, переживших экономическое чудо, чему-то и учит, то замедление роста в Китае должно произойти через пару десятилетий, а не сейчас, или вообще не произойти. На это, в частности, указывает Джастин Линь (Линь Ифу) – бывший главный экономист Всемирного банка. Он считает, что у Китая и дальше будет расти темпом, может, и не таким высоким как в 1980-2010гг., но существенно опережающим развитые страны, так что сокращение разрыва с богатыми странами продолжится (Lin, 2019).

Возможно, однако, что замедление роста в Китае связано не с объективными обстоятельствами, а с изменениями в экономической политике. В течение четырех десятилетий китайская модель роста основывалась на занижении обменного курса путем накопления валютных резервов, что стимулировало рост экспорта и инвестиций, так что и доля экспорта, и доля инвестиций в ВВП непрерывно повышались. Такая недооценка национальной валюты является мощным инструментом промышленной политики, способствующей развитию, ориентированному на экспорт (Polterovich, Rorov, 2004; Полтерович, Попов, 2016). В этом отношении Китай следовал опыту упомянутых стран «экономического чуда».

Однако с 2000-х годов США и международные финансовые организации (Международный валютный фонд и Всемирный банк) обвиняли Китай в «манипулировании» обменным курсом для получения несправедливых конкурентных преимуществ в международной торговле. Они утверждали, что Китай создает «глобальные дисбалансы», то есть поддерживает искусственный актив в торговле, заставляя США иметь зеркальный дефицит по балансу текущих операций, и оказывали сильное давление на Китай, чтобы заставить его повысить курс юаня (Попов, 2010; 2013 а, б). Говорилось, что переориентация китайского роста с инвестиций на потребление и с экспорта на внутренний рынок будет полезна не только мировой экономике, но и самому Китаю.

В самом Китае политика накопления валютных резервов тоже подвергалась критике по тем же причинам, что и в России после валютного кризиса 1998 г. – утверждалось, что лучше использовать накопления внутри страны на капиталовложения в инфраструктуру, науку, образование, здравоохранение вместо того, чтобы вкладывать заработанную валюту в векселя и облигации США и ЕС, кредитуя таким образом западные правительства.

Так или иначе, то ли под давлением США, то ли из-за внутренней оппозиции политика в отношении накопления резервов, курса юаня и экспортной ориентации в корне поменялась. С начала 2000-х годов Китай замедлил накопление валютных резервов (а с 2010 г. полностью прекратил дальнейшее накопление), реальный обменный курс значительно повысился в 2003-2013 гг., экспорт в% к ВВП достиг максимума (35%) в 2005 г. и начал падать, а доля инвестиций в ВВП достигла пика в 2013 г. (45%) и стала снижаться. Китайская модель быстрого экспортно-ориентированного роста, основанная на накоплении валютных резервов для занижения обменного курса, способствовавшего росту экспорта, сбережений и инвестиций (Полтерович, Попов, 2004), начала уступать модели, ориентированной на внутреннее потребление. Неизбежным следствием стало снижение темпов роста.

Во время Великой рецессии 2008-2009 гг. Китай временно остановил укрепление юаня и ввел в действие огромный пакет финансовых стимулов, так что экономика замедлилась

лишь незначительно (с 14% в 2007 г. до 9% в 2009 г.). То же произошло во время пандемии коронавируса 2020-2021 гг., так что в последние годы ревальвация юаня прекратилась, доля экспорта в ВВП перестала снижаться, торговый баланс вновь укрепился, и, возможно, Китай и вновь вернется на траекторию быстрого роста.

Но скептики говорят и о более серьезных сдвигах, грозящих разрушить китайскую модель догоняющего развития: росте индивидуализма, особенно среди молодых людей, отказа от традиционных коллективистских ценностей, превращении Китая в обыкновенную капиталистическую экономику, которая никакими преимуществами в сравнении с западной либеральной моделью не обладает. Если этот диагноз верен, восточноазиатская модель не станет альтернативой Западу, и миру придется пройти через все круги либеральной свободы, прежде чем вернуться к приоритету общественных ценностей. Если, конечно, будет, кому возвращаться.

Общая теория

Возвышение обществ/стран/ цивилизаций сначала связано с расширением прав личности, причем не столько из-за раскрепощения творческой инициативы, сколько из-за роста неравенства, позволяющего увеличить норму накопления. Затем, когда расширение прав заходит слишком далеко, социальная стабильность подрывается, происходят катаклизмы, революции и завоевания, так что права индивидуумов ограничиваются, и принципы коллективизма восстанавливаются.

Античные цивилизации, Греция и Рим, дали своим гражданам беспрецедентные по тому времени права: мужское население, исключая рабов, могло рассчитывать на неприкосновенность собственности, соблюдение законов, справедливое разбирательство в суде, порой даже и на участие в выборах официальных лиц. Эти цивилизации смогли добиться большего, чем другие, в технологии, культуре, науке, искусстве, и, казалось, были более эффективны и конкурентоспособны и в экономическом соревновании, и в военном противостоянии с другими. Но они были завоеваны более коллективистскими, хоть и более примитивными обществами.

Капитализм утверждался через предоставление больших прав индивидуумам – отмена крепостничества и сословных привилегий, свобода торговли и предпринимательства, свобода участия в выборах и политическом процессе. Но эти свободы были не причиной ускорения роста, а следствием. Упрощая, можно сказать, что отмена обязательной воинской повинности, смертной казни и даже самой авторитарной формы правления – приятная и достойная роскошь, которую смогли позволить себе более развитые страны, опережавшие других в экономическом развитии, имевшие более совершенные технологии и военное превосходство.

Противоположная точка зрения, либеральная, состоящая в том, что демократия и права человека есть причина экономического прогресса и превосходства, совсем фактами не подтверждается: только последние пару сотен лет избирательные и многие прочие права становятся повсеместными, а до этого многие тысячи лет писанной человеческой истории страны, экспериментировавшие с демократией (от античного мира до свободных городов средневековья) неизменно терпели фиаско.

«Великая цивилизация не завоевывается извне прежде, чем не разрушит себя изнутри», – писал американский историк Уильям Дюрант о Римской Империи (Dugant, 1980), и этот диагноз, видимо, может объяснить падение и многих других амбициозных цивилизаций, в которых индивидуальные права ставились выше коллективных интересов, что давало простор для роста неравенства доходов, подрывало социальный мир, снижало число рекрутов и подрывало способность к мобилизации ресурсов.

Собственно говоря, самое серьезное расхождение моральных норм стран и цивилизаций началось в 16 веке и достигло апогея в 20 веке, когда разрыв в производительности труда и в подушевом доходе между Западом и Югом достиг максимума (примерно 6:1 к 1900 г. – Попов, 2012 а, б). Преимущество Запада в военном и экономическом отношении стало столь велико, что оказалось возможным отказаться от многих ограничений на права индивидуумов: гарантии прав личности и демократическая политическая система не грозили подрывом господства Запада над миром. Напротив, распространение этих

«неотъемлемых» прав человека и демократических процедур на мировую периферию вело к ослаблению тамошних институтов, социальным конфликтам и хаосу.

Фарид Закария (Zakaria, 1997) пишет о возникновении массового феномена «нелиберальных демократий» – стран, в которых введение конкурентных выборов должностных лиц произошло прежде, чем возник правопорядок. В политологии демократический режим с сильными институтами (в котором выборные органы гарантируют гражданские свободы, в том числе и свободу от государственного произвола) называется не просто демократией, а либеральной демократией, причем прилагательное «либеральный» в этом словосочетании не менее важно, чем существительное «демократия». Либерализм означает гарантированность прав личности и экономических агентов, таких как права собственности и исполнения контрактов, права кредиторов и должников, права на защиту жизни и достоинства личности и на справедливое судебное разбирательство. Права эти, разумеется, могут быть обеспечены только сильными институтами, прежде всего государственными, ибо «частной собственности без государства не бывает». Демократия добавляет к этим правам еще несколько – право на свободу слова и печати, право избирать и быть избранным, и т. п. – важные, но не более важные, чем права, заключенные в понятии либерализма. Собственно говоря, даже свобода печати может обеспечиваться без демократии, авторитарными правительствами, как во многих европейских странах в 19 веке.

В соответствии с таким подходом Европа сначала стала либеральной и только потом – демократической. В 19 веке в европейских государствах права личности и фирм были в основном обеспечены, хотя демократическими эти страны назвать было никак нельзя: на рубеже веков более половины взрослого населения не имело право голоса из-за цензов оседлости, имущественных и других ограничений, а главное – потому, что женщины не допускались к голосованию. Первой европейской страной, где женщин допустили к избирательным урнам, стала Финляндия – в начале 20 века это право было пожаловано лучшей половине населения тогдашней российской колонии не самым демократическим царским правительством.

По тому же пути – от либерализма к демократии – шли (а некоторые все еще идут) страны и территории Восточной Азии, добившиеся в минувшие десятилетия впечатляющих экономических успехов. Может быть, наиболее убедительный и красноречивый в данном контексте пример – Гонконг, где британские колониальные власти стали вводить зачатки демократии только накануне передачи территории Китаю (но так и не успели завершить дело), что, однако, не помешало Гонконгу превзойти свою метрополию – родину современной демократии – по уровню экономического развития. И тогда, при англичанах, и теперь, после передачи Гонконга Китаю, при коммунистическом правительстве, закон и порядок в Гонконге остаются на высоте, недостижимой для большинства стран мира, хотя демократии при англичанах вообще не было, а теперь она ограничена.

По другому пути – сначала демократия, потом либерализм – пошли страны Латинской Америки, а затем Африки. Для экономики демократия без либерализма, то есть без эффективных институтов, гарантирующих права экономических агентов, оказалась не слишком благоприятной средой – Африка и Латинская Америка в послевоенный период сдавали свои позиции в мировой экономике, отставая по темпам роста ВВП на душу населения. Именно тогда, в послевоенный период, произошло становление так называемых нелиберальных демократий как массового феномена (главным образом в Латинской Америке и в Африке, но в других регионах тоже – например, в Индии) – режимов в основном демократических, но не имеющих эффективных институтов для защиты либеральных прав (Polterovich, Pоров, 2005; Полтерович, Попов, 2007).

Характерный пример – Гаити, одна из старейших демократий Америки, практикующая общенациональные выборы с начала 19 века: с тех пор там мало правопорядка и много демократии – в итоге 30 переворотов за 200 лет, регулярное несогласие оппозиции с результатами выборов, периодический ввод иностранных войск, чтобы остановить волну бандитизма.

В 90-е годы к числу нелиберальных демократий добавились многие советские республики – со схожими последствиями для экономического развития. Собственно говоря, некоторые страны Латинской Америки, видимо, уже близки к созданию эффективных институтов,

судя, скажем, по индексу доверия к органам государственной власти (который примерно такой же, что и в Юго-Восточной Азии, и на Ближнем Востоке). А вот Африка и СНГ – пока что весьма далеки, дальше, чем любые другие крупные регионы мировой экономики. В 90-е годы прошлого века только эти две группы стран продолжали удаляться от западных государств по уровню развития (ВВП на душу населения).

Как показывают исследования, в странах с хорошим качеством институтов (низкой коррупцией, высоким уровнем правопорядка и инвестиционного климата) демократизация благотворно воздействует на институциональное строительство и экономический рост, а в странах со слабыми институтами демократизация ведет к их дальнейшему ослаблению и подрывает рост. А в странах со слабым правопорядком (а таких среди развивающихся абсолютное большинство) демократизация, как это ни неприятно, сопровождается усилением коррупции, снижением эффективности госинститутов, увеличением теневой экономики, ухудшением качества макроэкономической политики (высокие бюджетные дефициты и инфляция) и, как следствие, ростом преступности и социального неравенства и сокращением продолжительности жизни (Полтерович, Попов, 2007).

Статистические подтверждения этому есть, да и отдельные примеры у всех на виду: Кыргызстан в середине 90-х годов был одной из самых демократических стран на постсоветском пространстве, его фактически поместили на доску почета в МВФ и “Freedom House” и первым из бывших советских республик, даже раньше Эстонии, приняли в ВТО в 1998 г. Но демократия в итоге не сработала: коррупция расцвела, как нигде, социальное неравенство и преступность возросли, чуть ли не половина национальной экономики или, точнее, того, что от нее осталось, перешла в руки “семьи”, и дело в итоге в 2005 г. закончилось очередной «революцией» (Polterovich, Popov, 2005; Полтерович, Попов, 2007).

Расширение прав женщин – еще одна область, где наиболее сильные в экономическом отношении общества могли продвигаться вперед. В древней Греции и Риме мире женщины, конечно, были более свободны, чем до и после античности, хотя формально они так и не получили равных прав с мужчинами в том, что касается владения собственностью, наследования, гражданских свобод. По крайней мере, к их мнению, как минимум,

прислушивались при выборе партнеров, совсем не так, как в мрачные годы средневековья. Ограничения прав женщин, нам, конечно, кажется теперь варварским, но независимо от сегодняшних моральных норм надо признать, что в античности сил Греции и Рима было недостаточно, чтобы эти права гарантировать. Другие цивилизации, где женщины были практически полной собственностью мужчин, оказались более конкурентоспособными по крайней мере в военном отношении. Почему?

Возможно, потому что мужчины меньше ссорились из-за женщин, так что общество было более сплоченным. Троянская война, как считают сегодня историки, вряд ли вспыхнула из-за Елены Прекрасной, но миф об этом поучителен. «Искусство – ложь, помогающая понять правду», – говорил Пикассо, и в данном случае, правда, похоже, в том, что древние хорошо понимали, к каким раздорам может привести наделение женщин «неотъемлемыми» правами. В более поздней истории женщины на корабле и в армии совсем не приветствовались, а в американской армии даже и сейчас, если супруги/партнеры служат вместе, они не должны афишировать свои отношения – нельзя обниматься и даже держаться за руки, если вы в военной форме. Тоже ведь ограничения прав человека.

Объяснение, видимо, то же, что и с изменением прав женщин – совмещение служебных и интимных отношений может ослабить боевой дух армии. А если страна сильно опережает другие в производительности труда и технологии, то можно позволить роскошь гарантировать права интимных отношений среди военных. Представьте, например, что в будущей войне технологически передовые страны, чтобы победить, будут посылать на вражескую территорию не своих солдат, а только дроны, ракеты и роботы, так что управляющие ими из безопасных кабинетов офицеры могут и за руки держаться, и вступать в любые интимные отношения, не опасаясь подрыва армейской морали.

А права на ношение оружия, которые раньше предоставлялись всем аристократам-дворянам, а потом практически во всех странах были отменены, причем не только для дворянского сословия, но и для всех, как раз примерно тогда, когда третье сословие уравнивали в правах с аристократией (после Великой французской революции конца 18 века). Тогда же и запрет на дуэли из декларативного превратился в реальный и общественное

мнение перестало считать, что «оскорбление можно смыть только кровью». Действительно, если бы все носили оружие и каждый мог вызвать другого на дуэль по любому поводу, то уровень убийств наверняка вырос бы кратно – слишком накладно таким образом обеспечивать «неотъемлемые», якобы, права человека, рациональнее эти права просто отнять.

Права секс-меньшинств и транссексуалов – модная ныне тема, большинство граждан знает «совершенно точно», какие права, в каком объеме и кому именно нужно предоставить, но речь сейчас не об этом, а о том, чтобы объяснить эволюцию общественного мнения и законов в этой сфере. В Китае, например, на протяжении всей истории до Опиумных войн середины 19 века отношение к гомосексуальным контактам было более, чем терпимым.

Романтические отношения с мужчинами у императоров Хань (3 век до н.э. – 3 век н.э.) – обычное дело, а уж «Цветы сливы в золотой вазе, или Цзинь, Пин, Мэй» – эротический роман, описывающий нравы 16 века, свидетельствует о том, что никаких запретов, ни правовых, ни моральных, на такие отношения не было и среди тогдашнего «среднего класса». У одного из императоров тогдашней династии Мин, как считается, было два частных дворца, один для его любовниц-женщин и один для любовников-мужчин.

Когда же Китай в середине 19 века проиграл Опиумные войны и превратился в полуколонию Запада, английские миссионеры и политики призвали запретить «нецивилизованные» отношения, так что Китай криминализировал гомосексуализм, как это было принято в то время в «цивилизованных» западных странах (эти законы потом отменили коммунисты).

Логика, видимо, та же, что и с заградотрядами, военно-полевыми судами и смертной казнью в действующей армии. Когда Греция и Рим были на вершине могущества, они не боялись предоставлять самые разные права своим гражданам, как и Китай до 19 века, когда он был центром мира и не боялся конкуренции Запада. А когда западные страны вышли в лидеры в 19-20 веках, они смогли даже возвести многие права в ранг «неотъемлемых». Если экономическое и технологическое превосходство позволяет побеждать без институтов

ограничения прав, то, конечно, лучше эти ограничения отменить и гарантировать максимально широкие права и женщинам, и мужчинам. Ну а если победить без таких институтов сложно, то надо уметь расставить приоритеты – что важнее, права некоторых индивидуумов или власть элиты и выживание нации?

Вызовы для либералов: какие права придется ограничить?

В правящей верхушке есть, конечно, расхождения во мнениях о том, что представляет угрозу власти элиты, а что нет – свободное владение оружием республиканцы в США угрозой не считают, но боятся предоставления прав однополым парам на воспитание детей и даже прав на аборт. Демократическая партия занимает ровно противоположную позицию. Со временем такие разногласия находят свое разрешение – за отмену рабства в середине 19 века выступали именно богатые – республиканцы (электорат демократов в то время базировался на бедных ирландских и итальянских иммигрантах, которые опасались конкуренции в случае наплыва негров с Юга в северные штаты), а 100 лет спустя именно демократы выступили за отмену сегрегации и предоставление избирательных прав неграм на Юге. Республиканцы, с другой стороны, теперь уже и думать забыли о сегрегации и не ставят под сомнение права чернокожих американцев.

А за свободную торговлю, в частности, за отмену хлебных пошлин в Англии 40-х годов 19 века, выступали не только консерваторы (представлявшие интересы промышленной буржуазии, борющейся с земельной и финансовой аристократией), но и зарождавшееся социал-демократическое движение – чартисты, представлявшее интересы средних и бедных слоев.

Почему владение оружием надо запретить, а аборт и смену пола разрешить? Подкованный либерал, видимо, вам ответит, что вред от владения оружием большой, а от абортов и смены пола никакого вреда для других нет. Так что, да, мои права кончаются там, где начинаются ваши, и не надо меня убеждать, что смена пола грозит вымиранием человечества.

Страны и общества, вырывающиеся вперед в экономическом и социальном развитии и превосходящие соседей, расширяют права человека. Неудивительно, что моральные и

правовые нормы таких передовых обществ начинают рассматриваться как передовые и прогрессивные и распространяются на другие страны – либо через добровольное копирование, либо через навязывание со стороны более «продвинутых» стран.

Богатые и образованные сначала выступают за расширение прав для себя (аристократия, конечно, имела больше прав, чем простолюдины), но со временем, убеждаясь, что власть можно сохранить, даже расширяя права «низов», предоставляет эти права другим слоям общества. Однако затем, элита, понимая, что неограниченные свободы угрожают ее господствующему положению, начинает поддерживать партии, часто более левые, ставящие во главу угла интересы общества, а не индивидуума.

Вот несколько областей, в которых уже в ближайшее время неограниченные права личности грозят подрывом социальной стабильности и даже возможным крахом либерального капитализма – неравномерное распределение богатства и доходов, ухудшение экологии и истощение ресурсов, опасные нерегулируемые технические новации, потеря контроля за популистскими настроениями из-за неограниченной свободы слова и кризис демократических механизмов.

Неравенство. В последние три десятилетия наблюдается рост неравенства доходов во многих странах – в западных, бывших социалистических и во многих развивающихся. До начала XX в. неравенство в распределении доходов возрастало, но после Первой мировой войны и революции 1917 г. в России неравенство стало снижаться – рост мирового социализма заставил многие капиталистические страны провести социальные реформы, способствовавшие более равномерному распределению доходов и формированию «капитализма с человеческим лицом». Однако с начала 1980-х годов неравенство вновь растет в большинстве стран, видимо, из-за ослабления сдержек и противовесов, роль которых раньше играли социалистические страны.

Высокое неравенство сопряжено с букетом отрицательных последствий, от увеличения преступности и смертности до снижения качества абитуриентов и распространения психических расстройств и ожирения (Wilkinson, Pickett, 2010). что делает общества и

страны менее конкурентоспособными, особенно на высоких стадиях развития. Неравенство не может расти неограниченно, видимо, есть критический уровень неравенства, при превышении которого национальные государства погружаются в пучину социальных конфликтов и распадаются. Если рост неравенства внутри стран не удастся предотвратить, сначала страны могут попасть в ловушку с плохим (устойчивым) равновесием, которое воспроизводит себя: плохое качество государственных институтов, низкий рост, низкая социальная мобильность и высокая социальная напряженность. Выход из этой ловушки возможен путем постепенных реформ, но если реформы откладываются, то дальнейший рост неравенства может закончиться социальной революцией (Джомо, Попов, 2016).

Высшие слои общества, конечно, пытаются предвидеть будущие опасности, ограничить права личности, если это грозит катаклизмами и дезинтеграцией обществ. Так что богатые начинают поддерживать меры по снижению неравенства, помощь бедным внутри страны и за рубежом, расширение социальных обязательств государства (пенсии, бесплатное образование и здравоохранение за счет более высоких налогов).

Вот уже более трех десятков лет проект «Всемирный обзор ценностей» (World Value Survey) проводит опрос во многих странах о том, что важнее для людей, свобода или равенство⁸. Интересно, что здесь географические различия оказываются более выражены, чем классовые – в Китае ожидаемо была выше доля тех, кто ценил равенство больше и среди богатых, и среди бедных, а в США – наоборот, но все-таки разрыв в предпочтениях богатых и бедных (по доходу) в разных странах был неодинаков. В 1990-1994 гг. во всех 18 странах, в которых проводился опрос (за исключением двух – США и Словакии), богатые ценили свободу больше, чем бедные. В 2017-22 гг. богатые ценили свободу больше, чем бедные, в 43 странах/территориях из 64, но в 21 стране богатые были более ориентированы на равенство, чем на свободу.

⁸ Предлагалось выбрать два варианта ответа: А) И свобода, и равенство для меня одинаково важны. Но если я должен выбрать одно или другое, я считаю личную свободу более важной; это значит, что каждый должен быть свободным и беспрепятственно развиваться; В) Конечно, важны и равенство, и свобода. Но если я должен выбрать одно из двух, я считаю равенство более важным; это значит, что никто не находится в ущемленном положении и что социальные классовые различия не так сильны.

Опросы подобного рода, конечно, измеряют субъективные предпочтения, но эти субъективные предпочтения складываются под влиянием объективных факторов. Статистический анализ показывает, что про-эгалитарные настроения тем сильнее, чем больше доходное и имущественное неравенство, чем выше уровень убийств и чем выше доверие населения к правительству, причем для богатых такая зависимость более выражена, чем для бедных (Роров, 2023 а). Получается, что у лиц с высокими доходами формируются левые взгляды (в пользу перераспределения, т.е. с предпочтением равенства относительно свободы), когда они чувствуют, что неравенство доходов представляет опасность для социальной стабильности, и доверяют правительству в проведении мер по перераспределению.

Тома Пикетти, французский экономист известный своей книгой о неравенстве «Капитал в 21 веке» (Piketty, 2014), в другой известной статье (Piketty, 2018) исследует кардинальные изменения электоральной базы левых партий: сразу после второй мировой войны за левых голосовали в основном бедные и необразованные, а сегодня, наоборот, более образованные и богатые. Статья называется «Левые брамины против правых купцов» – высокообразованная часть электората – «брамины» – сместилась на левый фланг и стала левее не слишком образованных, но богатых «купцов». Такая смена ориентации, отчасти, конечно, обусловлена более терпимым отношением левых к расширению прав мигрантов, женщин, этнических, религиозных и сексуальных меньшинств – богатые поддерживают расширение прав личности в сферах, где, как им кажется, нет угрозы их господству. Но другая причина смены ориентации – рост доходного и имущественного неравенства с 80-х годов прошлого столетия, когда замедление роста социалистической системы лишило капитализм сдержек и противовесов. Такой рост неравенства, похоже, все-таки беспокоит богатых и заставляет их, по крайней мере на словах, поддерживать лозунги левых, традиционно выступающих за большее перераспределение от богатых к бедным.

Снижение неравенства в отдельных странах и во всем мире, «инклюзивное развитие», «не оставлять никого позади» (leave no one behind) – сегодня, видимо, трудно найти человека, который не поддерживал бы эти лозунги. Правда, пока что больше на словах: высшие

предельные ставки подоходных налогов, которые в США, Великобритании, Германии и Франции в 1940–1980 гг., превышали 50% и даже иногда доходили до более 90%, затем были существенно снижены (Piketty, 2014); бесплатное образование и здравоохранение – самые эффективные инструменты борьбы с неравенством – до сих пор не стали безусловным правилом даже в европейских странах, не говоря уже о США.

Возможно, в ближайшие годы мы увидим поворот в сторону реальных мер по сокращению неравенства, а, возможно, и нет. Как говорят, ничто так не ослепляет, как успех, так что, преуспев однажды с расширением прав личности, элита часто теряет ощущение опасности и упускает критическую развилку между социальной стабильностью и социальными катаклизмами.

Экология. О грозящих миру экологических опасностях сегодня не пишет только ленивый. Пренебрежение экологией уже сгубило не одно общество. Пришла в упадок не только цивилизация острова Пасхи, но и цивилизация майя (достигшая расцвета в 7-10 веках нашей эры и уже находившаяся в упадке к моменту прихода конкистадоров), тогда как высокоразвитые общества на некоторых островах Полинезии испытали полный коллапс и исчезли окончательно (Diamond, 2005). Джаред Даймонд как раз и доказывает, что большие размеры нашей планеты в сравнении с полинезийскими островами отнюдь не являются гарантией непременного выживания. Нам повезло, считает он, что недавняя пандемия коронавируса стала своего рода репетицией грядущих крупных катаклизмов будущего – глобального потепления, истощения ресурсов, роста неравенства.

«...Изменение климата, истощение ресурсов и неравенство создают гораздо более серьезные угрозы нашему выживанию и качеству жизни, чем нынешняя пандемия. Даже в худшем случае, если каждый человек на Земле заразится Covid-19 и в результате умрет 2% из нас, это «всего» 154 миллиона смертей. В результате в живых останется 7 546 000 000 человек: гораздо больше, чем достаточно, чтобы обеспечить выживание человечества. COVID-19 — мелочь по сравнению с опасностями, которые изменение климата, истощение ресурсов и неравенство влекут за собой для всех нас» (Diamond, 2021).

Те, кто помнит советские времена, помнят и клише советской пропаганды – транснациональные компании ради прибыли хищнически эксплуатируют природные ресурсы и загрязняют окружающую среду. Но многие из тех, кому сейчас менее 40, видимо, и не знают, что это в основном было правдой прежде и в значительной мере верно и сейчас. Хотя, конечно, сегодня наиболее состоятельные слои населения и даже средний класс все больше и больше (даже больше, чем бедные) начинают поддерживать «зеленую экономику» и сокращение потребления энергии и других ресурсов.

Киотский протокол, подписанный в 1997 г. и вступивший в силу в 2005 г., предусматривал обязательные цели по сокращению выбросов только для промышленно развитых стран (так называемых государств «Приложения I»), но не для развивающихся стран. Развивающиеся страны тогда исходили из того, что проблемой изменения климата должны заниматься в первую очередь западные страны.

Во-первых, ответственность за создание проблемы несут промышленно развитые страны, поскольку на их долю пришлось почти 80% выбросов парниковых газов в период с 1850 по 2010 г. Во-вторых, на развитые государства даже и к концу 20 века приходилось почти 40% ежегодных выбросов в мире (хотя их доля в населении мира была только 18%), а выбросы на душу населения на Западе соответственно были в несколько раз выше, чем на Глобальном Юге (развитые страны – 9 тонн CO₂ на душу, развивающиеся – всего 3 тонны).

Выбросы CO₂ и других парниковых газов сильно зависят от потребляемой энергии, а потребление энергии тесно связано с уровнем экономического развития, поэтому выбросы на душу населения тесно коррелируют с доходом на душу населения. Китай, например, в 2022 г. выбрасывал менее 8 тонн CO₂ на душу населения, США – 15 тонн). Исключения в основном связаны с различиями в отраслевой структуре экономики (некоторые страны имеют более загрязняющие отрасли, чем другие) и развитием альтернативных источников энергии (именно поэтому выбросы на душу населения в ЕС составляют менее половины выбросов Америки).

Наконец, в-третьих, развивающиеся страны не так богаты, как развитые страны, и вполне справедливо, когда богатые платят больше за глобальные экологические проблемы.

Как писал в 2007 г. Мартин Кор, директор международной исследовательской и правозащитной организации «Сеть третьего мира» (Third World Network), «только развитые страны в настоящее время обязаны сокращать свои выбросы из-за своей исторической ответственности, более высоких выбросов сегодня и способности проводить такие меры» (Khor, 2007). Борьбу с бедностью многие в развивающихся странах считали тогда более важным приоритетом, чем предотвращение изменения климата. Некоторые наблюдатели предсказывали конфликт между промышленно развитым Западом и развивающимся Югом, предполагая введение западных санкций в отношении развивающихся стран, которые отказываются принять ориентиры по сокращению выбросов.

Сегодня же ситуация, похоже, кардинально изменилась. В 2014 г. Китай и США подписали совместное соглашение, устанавливающее цели по сокращению выбросов. Пекин пообещал, что его выбросы достигнут пика в 2030 г., а затем будут сокращены. Даже когда при Трампе Белый дом отказался выполнять свои климатические обязательства, Китай придерживался принятых вместе с Обамой ориентиров и, таким образом, стал лидером в глобальном стремлении сократить выбросы вместе с Европейским Союзом. Еще более важным является фактическое сокращение выбросов. Китай уже лидирует в главных зеленых технологиях – солнечной и ветровой энергии, производстве аккумуляторов и электромобилей.

Похоже, что теперь Китай принял на себя ответственность, налагаемую статусом мирового лидера. Если нашу планету можно сравнить с акционерным обществом, то Китай ведет себя как страна, имеющая если не контрольный, то блокирующий пакет акций: на его долю приходится около 20% населения и производства всей Земли. Не исключено, что Китай вскоре может призвать сократить выбросы крупнейших загрязнителей (в первую очередь США, но также и Россию).

Смогут ли страны ограничить права человека в потреблении ресурсов? Пока что, несмотря на все меры, средняя температура продолжает повышаться и, похоже, провозглашенная на Парижской конференции 2015 г. цель ограничить повышение пределом 1,5 градуса к концу столетия уже не будет достигнута. Видимо, и в этой области впереди нас ждут острые конфликты как внутри, так и между странами.

Технический прогресс. Здесь человечество поджидает столько опасностей, что в одной статье и не перечислить. Генная инженерия вплотную подошла к возможности клонирования живых существ и создания организмов, которых раньше в природе не было. Видимо, и бессмертие, или хотя бы жизнь в несколько сот лет (при замене выбывающих из строя органов), скоро станет возможным, хоть и очень дорогим. Как тогда распределить ограниченные ресурсы на приобретение путевок в вечную жизнь? Если через рынок, то, не слишком состоятельные могут посчитать это несправедливым. А искусственный интеллект, который уже сейчас многое делает лучше натурального? Если права пользоваться таким интеллектом считать неотъемлемыми, то некоторые пользователи могут отнять у других все остальные права.

Юваль Харари, автор знаменитой книги «Sapiens: Краткая история человечества» опубликованной на десятках языков миллионными тиражами, считает, что опасность грозит либерализму с другой стороны – грубо говоря, из-за развития технологий промывания мозгов. Либерализм, пишет он, пережил в прошлом кризисы Первой мировой войны, фашизма и коммунизма, а теперь стоит перед опасностью новых лабораторных технологий.

«Что бы Инквизиция и КГБ сделали с биометрическими браслетами, которые постоянно отслеживают ваше настроение и привязанности? – спрашивает он. – Конечно, в пропаганде и манипуляциях нет ничего нового. Но если раньше они действовали как ковровые бомбардировки, то теперь они становятся высокоточными боеприпасами. Когда Гитлер выступал по радио, он стремился к наименьшему общему знаменателю, потому что не мог адаптировать свое послание к уникальным слабостям отдельного мозга. Теперь стало возможным сделать именно это. Алгоритм может определить, что у вас уже есть предвзятое

отношение к иммигрантам, а ваш сосед уже не любит Трампа, поэтому вы видите один заголовок, а ваш сосед видит совершенно другой. В последние годы некоторые из самых умных людей в мире работали над взломом человеческого мозга, чтобы заставить вас реагировать на рекламу и продавать вам вещи. Теперь эти методы используются, чтобы продать вам политиков и идеологии» (Narari, 2018).

Такие технологии могут сделать недействительным весь демократический процесс, который до последнего времени эффективно контролировался элитой. Но это, видимо, уже следующий кризис, потому что сегодня демократические механизмы уже дают сбои из-за распространения социальных сетей и интернета.

Социальные медиа и демократия. В середине 19 века избирательными правами в Англии пользовались лишь 10-15%% населения, в континентальной Европе и того меньше.

В 19 веке именно богатые и образованные, находившиеся тогда на правом фланге политического спектра (меньше налогов, меньше государства, меньше социальных программ), ограничивали избирательные права населения (имущественный ценз, образовательный ценз, ценз оседлости, недопущение негров и женщин). В Европе в начале 19 века при введении выборов право голоса было предоставлено лишь нескольким процентам мужского населения. Расширение этой группы привилегированных шло медленно, так что еще и в конце 19 века правом голоса обладало относительное меньшинство мужского населения.

Правящий класс боялся, что предоставление избирательных прав низшим слоям приведет к избранию социалистических правительств, которые займутся перераспределением собственности и доходов через национализацию частных предприятий и прогрессивное налогообложение. Как сказал когда-то один британский политик, богатых всегда меньше, чем бедных, а защищать надо именно права меньшинств.

Однако оказалось, что при контроле над средствами массовой информации убедить людей не голосовать за перераспределение богатства и доходов не так сложно, и введение всеобщего избирательного права поэтому прямой угрозы всевластию богатого

меньшинства не представляет. Богатые в 20 веке постепенно согласились на предоставление права голоса неимущим, женщинам, неграм, а сейчас, в 21 веке, эти же богатые и образованные переместились на левый фланг и требуют избирательных прав для всех, включая нарушителей закона и иммигрантов без гражданства.

Почему бедные голосуют за решения (скажем, против прогрессивного налогообложения), которые очевидно противоречат их интересам? Почему, вопреки фактам и логике, в массовом сознании сохраняются иррациональные стереотипы: высокие налоги и большое государство вредны для экономического роста, а вероятность быстрого обогащения выше, чем вероятность выиграть от прогрессивных налогов. Главное, видимо, в том, что эти стереотипы создаются и поддерживаются средствами массовой информации и политической системой, которые в значительной степени контролируются частным капиталом (Попов, 2015 б).

В знаменитой «Одноэтажной Америке» Илья Ильф и Евгений Петров рассказывают, как в Аризоне в 1935 г. безработный американец предложил рецепт создания справедливого общества (Ильф и Петров, 2011):

- Надо отобрать у богатых людей их богатства... отобрать деньги и оставить им только по 5 миллионов.
- Мы спросили, не много ли это – по пять миллионов. – Но он был тверд.
- Нет, надо им все-таки оставить по пять миллионов. Меньше нельзя...
- Ну, как вы думаете, почему этот несчастный человек хочет оставить миллионерам по пяти миллионов? – спросил мистер Адамс, всезнающий компаньон советских журналистов очень прогрессивных убеждений.
- Не знаете? Ну, так я вам скажу. В глубине души он еще надеется, что сам когда-нибудь станет миллионером. Американское воспитание – это страшная вещь сэры!

Справедливости ради надо сказать, что это не только «американское воспитание», но и любое капиталистическое. Джозеф Стиглиц, нобелевский лауреат по экономике и бывший главный экономист Всемирного банка, в книге о неравенстве (Stiglitz, 2012) как раз и

исследует этот парадокс – в демократическом обществе даже скромные меры по ограничению крупных состояний (прогрессивный налог на доходы, например) не поддерживаются большинством населения, хотя и соответствуют интересам этого большинства. Без специальных ограничений на участие частного капитала в СМИ, в рекламе и выборах, владельцы крупных состояний без труда навязывают массовому сознанию представления, соответствующие их интересам и не соответствующие интересам большинства. Выборы формально проводятся по принципу «один человек – один голос», но их результаты фактически соответствуют выборам в акционерной фирме, в которых один голос стоит один доллар.

Исследования выборов в американский конгресс (Jacobson, 1978) показывают, что расходы на избирательную кампанию во многом объясняют победу кандидатов, особенно новых кандидатов, не занимающих выборных должностей. Но дело, конечно, не только в непосредственном финансировании избирательных кампаний, но и в финансировании средств массовой информации, неприбыльных организаций, политических партий и ассоциаций, научных исследований, рекламы и многого другого, что формирует общественное мнение. Каждый избиратель стремится к максимизации своего благополучия, но как этого достичь, за каких кандидатов голосовать – это в значительной, если не в решающей, степени определяется господствующими стереотипами, в формировании которых финансовая поддержка играет первостепенную роль.

Совершенно очевидно, например, что большинство населения выиграет от введения прогрессивного подоходного налога, что вероятность разбогатеть так, чтобы платить подоходный налог по самой высокой ставке, меньше, чем вероятность выиграть от высокого подоходного налога через больший доступ к общественным благам (образование, здравоохранение и лучшее социальное обеспечение). Но большинство, тем не менее, выступает против крутой прогрессии налоговых ставок.

Совершенно очевидно также, что введение бесплатного образования и здравоохранения отвечает интересам большинства населения, однако в развивающихся странах такая система встречается крайне редко. Для максимального увеличения

средней продолжительности жизни, если считать, что жизнь олигарха так же ценна, как и жизнь бедняка, ограниченные ресурсы, которое общество готово выделить на здравоохранение, надо, конечно же, распределять равномерно, точнее только в соответствии с медицинскими показаниями. Но во всех демократических странах, даже при наличии бесплатного минимума медуслуг, богатые могут получить лучшую медицинскую помощь. Собственно говоря, бесплатное здравоохранение и образование в бедных странах вводилось только авторитарными социалистическими правительствами (СССР, Китай, Куба и другие), а в демократических странах того же уровня развития эти услуги были в значительной степени платными, так что продолжительность жизни и уровень образования там были ниже. Страны с социалистическим прошлым даже и в 2000 г. имели продолжительность жизни в среднем на 5 лет больше, чем другие с таким же уровнем подушевого дохода (Роров, 2018 b).

Как уже говорилось, изменить стереотипы общественного сознания крайне трудно. В одном из исследований (Gentzkow, Shapiro, 2010) доказывается, что предвзятость прессы объясняется не политической ориентацией собственника газеты, а предпочтениями электората: в избирательных округах, традиционно голосующих, например, за республиканцев, газеты обнаруживают именно республиканскую ориентацию, так как читателям больше нравится находить подтверждение (а не опровержение) своих взглядов, а прибыли газет (доходы от рекламы) зависят от тиража. Получается замкнутый круг: консервативные избиратели любят информацию, подтверждающую их взгляды, => СМИ, заинтересованные в повышении тиража, услужливо эту информацию предоставляют => избиратели еще более укрепляются в своих консервативных взглядах...

Так и выходит, что тот, кто контролирует информацию, контролирует и демократию, и результаты выборов. В ходе реформ в Восточной Европе и СССР политическая ориентация населения сильно сдвинулась вправо всего лишь за несколько лет несмотря на то, что реформы привели к ухудшению экономического и социального положения абсолютного большинства населения. Опросы населения 1989-90 гг. в СССР зафиксировали в целом отрицательное отношение к капитализму – большинство явно не хотело торговли землей, хотя и поддерживало семейные фермы, и не питало симпатий к кооперативам, которые в то

время продавали продукцию по рыночным ценам и были прикрытием и эвфемизмом для частных предприятий. 47% опрошенных поддерживало идею частных предприятий, но более 50% считало, что эти предприятия должны быть мелкими, семейными – без прав найма рабочих. 2/3 опрошенных считало, что именно госпредприятия должны преобладать в будущей советской экономике («Известия», 26 февраля 1990г.; «Аргументы и факты», №21, 1990г.; «Экономика и жизнь», 2 ноября 1990г.). Год спустя, в 1991г., население, поддержав Ельцина на выборах, фактически одобрило его программу радикальных реформ – шокотерапии с быстрым дерегулированием цен и приватизацией.

Представления о будущем формируются в основном на основе экстраполяции прошлых тенденций (адаптивные ожидания), а собственные возможности и способности, как правило, сильно переоцениваются (противоречивая вера широких слоев населения и в сохранение низкого неравенства, и в собственный экономический успех одновременно в 90-е годы). В условиях же незрелой демократии (без эффективных барьеров для участия частного капитала в политике) средства массовой информации и избирательные кампании контролируются владельцами крупных состояний и лицами с высокими доходами, так что возникает замкнутый круг: рыночные реформы и частная собственность рожают класс богатых («олигархов»), которые не только заинтересованы в поддержании своего экономического и политического влияния, но и обладают рычагами для этого через СМИ и демократические выборы. Возвращение общественных предпочтений к «норме» – к стереотипам, отражающим интересы большинства, возможно лишь при отделении СМИ и политического процесса в целом от частного капитала и частного финансирования.

Считалось ранее, что разорвать этот порочный круг могут либо реформы сверху, запрещающие участие частного капитала в СМИ в политическом процессе (ближе других к такой системе подошли некоторые европейские страны, в частности скандинавские, с государственным финансированием политических партий и СМИ), либо революции, происходящие когда разрыв между стереотипами общественного сознания (возможности обогащения) и действительностью (обнищание) достигает критических значений.

Сегодня, однако, возможно мы наблюдаем третий вариант выхода из этого порочного круга – стереотипы рушатся под воздействием социальных медиа, которые крупный капитал пока еще не контролирует полностью. Действительно, старые средства массовой информации, газеты, радио и телевидение, раньше, да и сейчас, контролируют именно крупные фирмы и олигархи, а социальные медиа, в которых общаются даже не миллионы, а миллиарды, как-то вышли из-под контроля даже крупных интернет-компаний, которые их создавали.

Представьте, что леди Гага, у которой в Твиттере в 2022 г. было около 100 млн. подписчиков, призвет своих последователей прийти к Белому дому и захватить власть. Даже если придет только каждый сотый, полиции вряд ли удастся защитить закон и порядок. Вспомните, историю с аккаунтом Трампа в Твиттере, который закрыли после 6 января 2021 г., когда он еще оставался действующим президентом, и открыли вновь только почти 2 года спустя, когда Илон Маск купил Твиттер).

В марте 2024 г. Верховный суд США начал слушания по обвинениям правительственных ведомств (ФБР и Центра по контролю и профилактике заболеваний) в оказании давления на социальные медиа с целью предотвратить распространение дезинформации об иностранном вмешательстве в американские выборы и о пользе-вреде вакцинации и ношения масок. Суть обвинений состояла в том, что такие запреты противоречат первой поправке американской конституции (о свободе религии, слова, печати, собраний) и ограничивают те самые «неотъемлемые» права человека, которые либералы так защищают. Но либеральной элите теперь приходится выбирать – либо отзять эти «неотъемлемые» права, либо сдать власть с перспективой потерять еще больше прав.

Резюме и прогноз

Западные страны разбогатели первыми не потому, что гарантировали права личности, но из-за разрушения традиционных институтов (общины), что повлекло за собой рост неравенства, бедности и смертности, но также и рост доли сбережений и инвестиций в ВВП (за счет сокращения потребления) и ускорение экономического роста. Запад, таким образом, вырвался из мальтузианской ловушки не столько благодаря своей изобретательности, рожденной свободными университетами и правовыми гарантиями,

сколько благодаря жестокости в перделе собственности, который позволил повысить норму сбережений, затрачивать больше средств на изобретения и реализовать эти изобретения «в металле» через рост инвестиций.

Когда эта западная модель была распространена на развивающиеся страны (через колониальный нажим «сверху» или добровольное подражание «снизу» – страны Африки южнее Сахары, Латинской Америки и Российская империя), она также привела к повышению нормы накопления, но и к росту неравенства и снижению качества институтов, что ухудшило стартовые позиции для экономического роста. Другие районы развивающегося мира, менее подверженные колониальному влиянию и лучше сохранившие традиционные институты (страны Восточной Азии, Ближнего и Среднего Востока, Южной Азии), имели низкую норму накопления и пребывали в мальтузианской ловушке до XX в., однако сумели избежать ослабления государственных институтов. Постепенное и очень медленное повышение ВВП на душу в результате технического прогресса в 16–19 веках позволило им найти другой выход из мальтузианской ловушки – повысить норму накопления без роста неравенства, бедности, смертности и подрыва институтов.

Опираясь на экономический успех, западные страны сумели расширить права человека больше, чем другие. Гарантии этих прав были не причиной, но следствием экономического успеха. Самые богатые и образованные обычно выступают за расширение прав личности, что неудивительно, так как от такого расширения непосредственный и наибольший выигрыш получают именно лица с высокими доходами и образованием. Если либеральная элита и идет на ограничение прав человека, то лишь под давлением, из-за угрозы потери власти. В послевоенный период успешного развития Запада эта элита успешно добивалась расширения прав личности, особенно в тех сферах, где, как казалось, приверженность индивидуализму не подрывает позиции элиты (от прав на аборт и прав ЛГБТК+ сообществ до прав мигрантов и свободы слова).

Это объясняет эффект изменения электоральной базы правых и левых партий (Piketty, 2018) – сразу после второй мировой войны за левые партии голосовали в основном бедные и

необразованные, а сегодня, наоборот, более образованные и богатые. В других же сферах, где, как считалось, расширение прав личности грозило социальными потрясениями и экологическими катаклизмами (рост неравенства, изменение климата, истощение ресурсов, неконтролируемая свобода слова), эта же элита, по крайней мере на словах, стала ставить на первый план интересы общества и всего человечества.

По мере того, как позиции Запада слабеют почти повсеместно, а восточноазиатская модель демонстрирует все большую конкурентоспособность, элита развитых стран может постепенно мирно принять «азиатские ценности» и коллективистскую модель, которая таким образом распространится на весь мир, включая США. В самих западных странах тогда к власти могут прийти правительства, которые будут склонны ограничивать права человека ради сохранения позиций в конкурентной борьбе и технологической гонке. Но возможна и реакция отторжения – Запад может двинуться в сторону автаркии, отвернуться от левых партий в пользу правонационалистических и даже профашистских, которые не менее социально-ориентированы, чем левые, но более привержены анти-глобалистской программе.

Другой сценарий – эволюция восточноазиатской модели в сторону западной, распространение либеральных ценностей и рост неравенства в странах Восточной Азии и на Ближнем Востоке, то есть распространение либерализма, а вместе с тем и кризиса либерализма, на весь мир. Это, видимо, самый опасный вариант, чреватый острыми социальными и международными конфликтами и, возможно, разрушением цивилизации.

Либеральная идея – гарантии «неотъемлемых» прав всем людям без различия пола, расы, национальности, вероисповедания – считается одной из двух великих идей 20 века, и, возможно, не только 20 века, но и всей человеческой истории, наряду с коммунистической идеей всемирного братства всех людей труда. Либералы считают свободу самоцелью, тогда как приверженцы «азиатских ценностей» и коммунисты, считают, что самоцелью свобода быть не может, всегда можно спросить «свобода для чего?» Свобода – лишь средство для достижения полного всестороннего развития личности в обществе, где «свободное развитие каждого является условием свободного развития всех» (Маркс).

Николай Шмелев, один из «прорабов перестройки», статьями которого зачитывалась вся страна в конце 80-х годов прошлого века, считал это фундаментальной идеей – человечество нужно человеку больше, чем человек человечеству (Шмелев, 1988). Не было бы Шекспира, Лютера, Ньютона, другие бы сделали то, что они, разве что чуть позже и, может быть, не так хорошо, но может быть даже и лучше. А без других людей жизнь одного человека бессмысленна.

В этом и заключается совсем простой аргумент, с которым, видимо, согласятся и либералы, и коммунисты. Куда идет развитие человечества, и что есть прогресс, мы по большому счету не знаем. Точнее сказать, многие считают, что знают, но «судьбоносного консенсуса» пока нет. Одни говорят, что будущее за искусственным интеллектом, другие надеются побороть смерть и жить вечно. Одни считают, что прогресс состоит в расширении границ человеческого познания, в научных открытиях и создании шедевров искусства, другие мечтают об искоренении бедности, и создании общества всеобщего благоденствия, третьи – о совершенствовании человеческой природы.

Но, видимо, большинство согласится с совсем простой мыслью: хоть мы и не знаем, в чем прогресс, но интересно узнать. Так вот, чтобы узнать, надо поставить интересы человечества выше любых прав личности. А иначе может случиться, что расширение «неотъемлемых» прав человека приведет к такому расцвету индивидуализма, что история не продолжится, и ответа на вопрос, в чем же прогресс, мы так и не узнаем.

Одно можно сказать с уверенностью – нынешнему поколению 20-летних предстоит жить в интересные времена.

ЛИТЕРАТУРА

Гегель, Г. В. Ф. Лекции по философии истории (Vorlesungen über die Philosophie der Geschichte). — СПб.: Наука, 1993.

Декларации независимости. – Соединенные Штаты Америки: Конституция и законодательство (1993). Под ред. О.А. Жидкова. Перевод В.И. Лафитского. М.: *Прогресс*.
<https://www.state.gov/wp-content/uploads/2020/02/Russian-translation-U.S.-Declaration-of-Independence.pdf>

Джомо, К.С., В. Попов (2016). Долгосрочные тенденции в распределении доходов. – *Журнал Новой экономической ассоциации*, № 3(31), 2016.

Ильф, И., Е. Петров (2011). Одноэтажная Америка. М.: *Текст*, 2011.

Конфуций (2001). Лунь Юй (Беседы и Суждения). *Восточная литература*.
https://modernlib.net/books/konfuciy/lun_yuy/read/

Ленин, В. И. (2019). Великий почин (о героизме рабочих в тылу. По поводу «коммунистических субботников») - Полное собрание сочинений. Том 39, с. 5-29.

Маркс, К. (1957). Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. — М. : *Политиздат*, 1957. — Т. 8.

Мельянцева, В. (1996). Восток и Запад во втором тысячелетии: экономика, история и современность. – *Изд-во Московского университета*.

Полтерович, В. В. Попов (2007). *Демократизация и экономический рост. - Общественные науки и современность*, № 2, 2007, с. 13-27. Полный вариант.

Полтерович, В., В. Попов (2016). Валютный курс, инфляция и промышленная политика. - *Журнал Новой экономической ассоциации*, №1 (29), 2016.

Попов, В. (2021). *Основное противоречие современной эпохи. – РСМД*, 8 сентября 2021.

Попов, В. (2020). Замедление Китая: судьба или выбор? - *Эксперт*, 23 марта 2020г., №13 (1157).

Попов, В. (2016). Где будет следующее экономическое чудо? На Ближнем Востоке? – *Группа стратегического видения "Россия - Исламский мир"*. Март 2016 г.

Попов, В. (2015 а). В поисках новых источников роста. Догоняют ли развивающиеся страны развитые? - *Вопросы экономики*, №10, 2015.

Попов, В. (2015 б). Экономическое и социальное развитие посткоммунистической России в 1991-2014 гг. - "Четверть века после СССР: люди, общество, реформы". *Издательство МГУ*, 2015. Составители: П. Дуткевич, Р. Саква, В. Куликов.

Попов В. (2013 а). Валютные войны. Зачем Россия и Китай копят иностранную валюту. *ПОНАРС Евразия*. Аналитическая записка № 256, Июнь 2013г.

Попов В. (2013 б). Глобальные дисбалансы — нетрадиционная трактовка. - "*Вопросы экономики*", №1, 2013.

Попов, В. (2012 а). Почему Запад разбогател раньше, чем другие страны и почему Китай сегодня догоняет Запад? Новый ответ на старый вопрос. – *Журнал Новой экономической ассоциации*, №3 (15), 2012.

Попов В. (2012 б). Пот, кровь и институты. - "*Эксперт*", №19 (802)/ 14 мая 2012 г.

Попов В. (2002). «Три капельки воды: заметки некитаиста о Китае». М., *Издательство «Дело»*, 2002г.

Попов В. (1999). Конструктор для финансиста. – *Эксперт*, №. 38, 10 октября 1999 г.

Пушкин А. (1969). Капитанская дочка. — Собрание сочинений в шести томах. Том 4. Библиотека "Огонек", М., "Правда", 1969.

Фукуяма, Ф. (2007). «Конец истории и последний человек», пер. с англ. М. Б. Левина. — М.: АСТ, 2007.

Ибн Хальдун (2008). Введение (ал-Мукаддима). Составление, перевод с арабского и примечания А. В. Смирнова // *Историко-философский ежегодник* 2007. М., 2008. С. 187—217.

Шелехов, И. и др (2011). Шелехов, И.Л., Каштанова, Т. В., Корнетов, А. Н., Толстолес, Е. С. (2011). Суицидология: учебное пособие. Томск: *Сибирский государственный медицинский университет*.

Шмелев, Н. (1988). Последний этаж. — *Огонек*. 1988, №31.

Bills, C. B. (2017). The Relationship between Homicide and Suicide: A Narrative and Conceptual Review of Violent Death. — *International Journal of Conflict and Violence*, Vol. 11, № 06.

Diamond, J. (2021). People around the world are being forced to acknowledge that we all face a shared threat that no country can overcome by itself. *Project Syndicate*. Last Updated: Jan. 12, 2021 at 9:24 a.m. ET First Published: Jan. 12, 2021 at 9:12 a.m. ET (<https://www.marketwatch.com/story/jared-diamond-explains-how-covid-19-might-change-the-worldfor-the-better-11610460783>).

Diamond, J. (2005). *Collapse: How Societies Choose to Fail or Succeed*. Viking Press.

Fukuyama, F. (1992). *The End of History and the Last Man*. 1992. Macmillan, Inc., New York.

Galor, O. (1998). Economic Growth in the Very Long-Run. — Prepared for the *New Palgrave Dictionary of Economics* - 2nd edition (S. Duraluf and L. Blume, eds.).

Goldstone J. (2007). Unraveling the Mystery of Economic Growth. A review of Gregory Clark's "A Farewell to Alms: A Brief Economic History of the World". – *World Economics*. Vol. 8. No. 3 (July–September).

Gentzkow, M., and J.M. Shapiro (2010). What Drives Media Slant? Evidence from US Daily Newspapers. – *Econometrica*, Vol. 78, No. 1 (January, 2010), pp. 35–71.

Grote, J., V. Popov (2018). [Political misperceptions and their causes: Suggestions for research. DOC-RI Expert Comment, December 5, 2018.](#)

Harari, Y. (2018). Governments and corporations will soon know you better than you know yourself. Belief in the idea of 'free will' has become dangerous. – *The Guardian*, 14 Sep 2018, Last modified on Tue 18 Sep 2018. <https://www.theguardian.com/books/2018/sep/14/yuval-noah-harari-the-new-threat-to-liberal-democracy>

Huang Yasheng (2023). [The Rise and Fall of the EAST: How Exams, Autocracy, Stability, and Technology Brought China Success, and Why They Might Lead to Its Decline](#) . Yale University Press, 2023.

Jacobson, G. (1978). The Effects of Campaign Spending in Congressional Elections. – *The American Political Science Review*, Vol. 72, No. 2 (Jun., 1978), pp. 469-491

Khor, M. (2007). Global Trends. Fight begins on cutting climate gases. – *Star*, September 3, 2007.

Landes, D. (1998). Wealth and Poverty of Nations. Why Are Some So Rich and Others So Poor? N.Y.: *W.W.Norton*.

Lee, Keun, and V. Popov, eds. (2020). [Re-thinking East Asian Model of Economic Development After the Covid-19. - Special Issue of Seoul Journal of Economics, 2020, Vol. 33.](#)

Lester, D. (1994). Patterns of suicide and homicide in America. *Nova Science Publishers*.

Lester, D. (2002). Collectivism and Rates of Personal Violence (Suicide and Homicide). *Psychological Reports* March 2002, 90(1), DOI: 10.2466/PR0.90.1.300-300

Lin, J., Wan, G., and Morgan, P. J. (2016). Prospects for a re-acceleration of economic growth. *Journal of Comparative Economics*, 44(4), pp. 842-853.

Lin, J. (2019). China's Growth Deceleration: Causes and Future Growth Prospect. – *Frontiers of Economics in China*, 2019, 14 (1): 26-52. <https://doi.org/10.3868/s060-008-019-0003-1>

Maddison Project Database, version 2018. Bolt, Jutta, Robert Inklaar, Herman de Jong and Jan Luiten van Zanden (2018), “Rebasing ‘Maddison’: new income comparisons and the shape of long-run economic development”, *Maddison Project Working paper* 10.

Menand, L. (2018). Francis Fukuyama Postpones the End of History. The political scientist argues that the desire of identity groups for recognition is a key threat to liberalism. - *The New Yorker*, August 27, 2018.

Milanovic, B. (2012). Does economic inequality set limits to EU expansion? *Conference on Sovereign Insolvency*, Opatija, Croatia, November 2012.

Milanovic, B., P. Lindert, J. Williamson (2008). Industrial Inequality: An Early Conjectural Map, August 23, 2007. *Mimeo*. [Http://www.economics.harvard.edu/faculty/williamson/files/Pre-industrial_inequality.pdf](http://www.economics.harvard.edu/faculty/williamson/files/Pre-industrial_inequality.pdf).

Mitter, R. (2024). The Real Roots of Xi Jinping Thought. Chinese Political Philosophers' Long Struggle with Modernity. *Foreign Affairs*, March/April 2024. Published on February 20, 2024.

Mokyr, J. (2002). *The Gifts of Athena: Historical Origins of the Knowledge Economy*. Princeton: *Princeton University Press*.

Piketty, T. (2014). *Capital in the Twenty-First Century*, *Harvard University Press*, 2014.

Piketty, T. (2018). *Brahmin Left vs Merchant Right: Rising Inequality & the Changing Structure of Political Conflict (Evidence from France, Britain and the US, 1948-2017)*. March 2018. *EHESS and Paris School of Economics*.

Polterovich, V., V. Popov (2004). *Accumulation of Foreign Exchange Reserves and Long Term Economic Growth*. – In: *Slavic Eurasia's Integration into the World Economy*. Ed. By S. Tabata and A. Iwashita. Slavic Research Center, Hokkaido University, Sapporo, 2004. Updated version, 2006.

Polterovich, V., V. Popov (2005). [Democracy and Growth Reconsidered: Why Economic Performance of New Democracies is not Encouraging](#). - *MPRA Paper No. 21606*, 2005.

Pomeranz K. (2008). *Chinese Development in Long-Run Perspective*// *Proceedings of the American Philosophical Society*. Vol. 152, No. 1, March.

Pomerantz, K. (2000). *The Great Divergence: Europe, China, and the Making of the Modern World Economy*. Princeton, N.J.: *Princeton University Press*.

Popov, V. (2023a). [Why the rich and the poor value freedom and equality differently](#). *MPRA Paper No. 116563*, March 2023.

Popov, V. (2023b). [Can China maintain high growth rates under the "dual circulation" decoupling?](#) - *MPRA paper No. 117953*, July 2023.

Popov, V. (2022). *Why Europe looks so much like China: Big government and low income inequalities*. - *Asia and the Global Economy*, January 2022, Vol.2, Issue 1.

Popov, V. (2020a). Covid-19 pandemic and long-term development trajectories of East Asian and Western economic models. - *Pathways to Peace and Security (Пути к миру и безопасности)*, 2020, №2 (59).

Popov, V. (2020b). Global health care system after coronavirus: Who has responsibility to protect. *MPRA Paper No. 100542*, May 2020.

Popov, V. (2020c). Which economic model is more competitive? The West and the South after the Covid-19 pandemic. – *Seoul Journal of Economics* 2020, Vol. 33, No. 4, pp. 505-538.

Popov, V. (2020d). How to Deal with a Coronavirus Economic Recession? *MPRA Paper No. 100485*, May 2020.

Popov, V. (2019). Billionaires, Millionaires, Inequality, and Happiness. - *MPRA Paper No. 94081*.

Popov, V. (2018 a). Paradoxes of Happiness: Why People Feel More Comfortable with High Inequalities and High Murder Rates? - *MPRA Paper 87118*.

Popov, V. (2018 b). Mortality and life expectancy in post-communist countries. What are the lessons for other countries? A concept note. – *DOC research project*, June 5, 2018.

Popov, V. (2015). Catching Up: Developing Countries in Pursuit of Growth. *MPRA Paper No. 65878*, August 2015.

Popov, V. (2014). *Mixed Fortunes: An Economic History of China, Russia and the West*. Oxford University Press, April 2014.

Popov, V. (2011). Developing New Measurements of State Institutional Capacity. – *MPRA Paper 32389*, August 2011.

Popov, V. (1999). *The Financial System in Russia as Compared to Other Transition Economies: The Anglo-American versus the German-Japanese Model. - Comparative Economic Studies*, Vol. 41, No. 1, 1999.

Posen, A. (2023). The End of China's Economic Miracle. *Foreign Affairs*, September/October 2023.

Rawls, J. (1971). *A Theory of Justice*. Cambridge, Massachusetts: *Belknap Press of Harvard University Press*, 1971.

Saito, O. (2009). Income Growth and Inequality Over the Very Long Run: England, India and Japan Compared. *Paper presented at The First International Symposium of Comparative Research on Major Regional Powers in Eurasia*. July 10, 2009.

Sen, A. (1997). Human Rights and Asian Values: What Lee Kuan Yew and Lee Peng Don't Understand About Asia. – *The New Republic*, July 14, 1997, Vol. 217, No. 2-3.

Solow, R. M. (2007). 'Survival of the Richest'? Review of "A Farewell to Alms: A Brief Economic History of the World" by Gregory Clark (Princeton University Press, 420 pp.) – *New York Review of Books*, Volume 54, Number 18, November 17, 2007.

Stiglitz, J. (2012). *The price of inequality: how today's divided society endangers our future* / New York: W.W. Norton & Co., 2012.

Sun Tzu (2000). *The Art of War*. Translated from Chinese by L. Giles, M.A., 1910. *Allandale Online Publishing*, Leicester, England, 2000.

Wilkinson R., Pickett K. (2010). *The Spirit Level. Why Greater Equality makes Societies Stronger*. N.Y.: *Bloomsbury Press*.

Yao Yang (2023). *China and the West. A Pragmatic Confucian's View. Palgrave Macmillan Singapore, 2023.*

Zakaria, F. (1997). The Rise of Illiberal Democracies. – *Foreign Affairs*, 1996, Nov/Dec., 1997.